

43/120

N 17406

VADEMECUM

ДЛЯ РЕДАКЦИИ „РАБОЧАГО ДѢЛА“

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ИЗДАННЫЙ ГРУППОЙ „ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА“

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Г. ПЛЕХАНОВА.

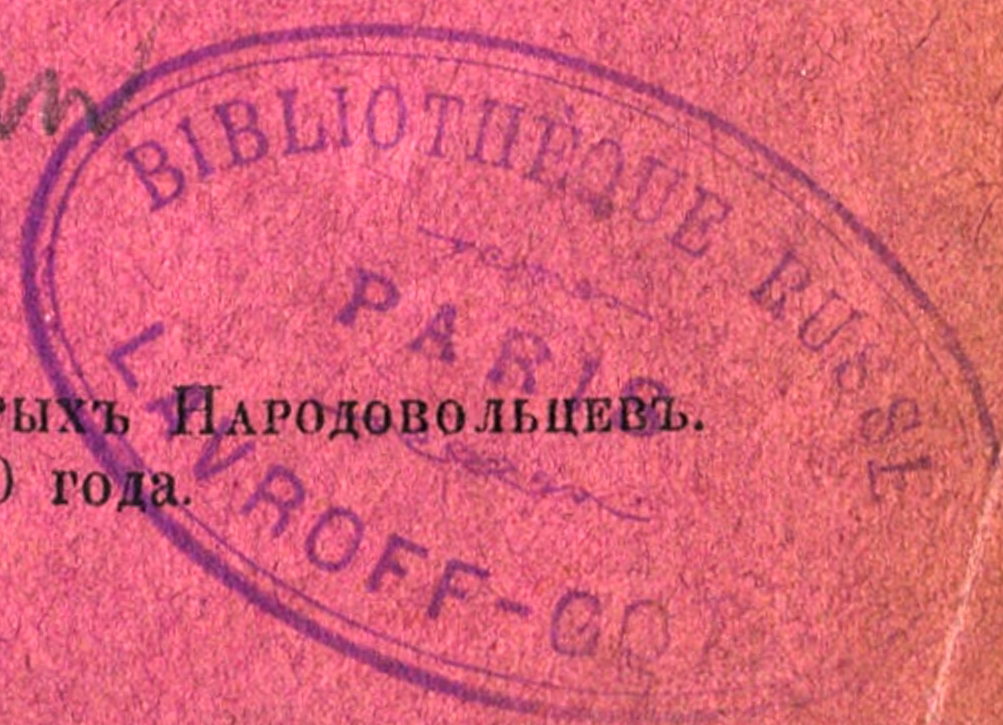
О дѣти, какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не выдавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду!

ЦѢНА 1 ФРАНКЪ.

Woodburn

Печатано въ Типографіи Группы Старыхъ Народовольцевъ.
Женева. Февраль 1900 года.

SK

17406

7-2-68

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашей заграничной социальдемократической литературѣ съ нѣкотораго времени ведется довольно странный для непосвященнаго читателя споръ, предметомъ котораго служить вопросъ о томъ, существуетъ или не существуетъ въ молодой русской социальдемократіи направленіе, извѣстное подъ именемъ *экономическаго*. По мнѣнію одной изъ спорящихъ сторонъ, — П. Аксельрода, выражающаго взглядъ группы „Освобожденіе Труда“, — такое направленіе не только существуетъ, но, *при извѣстныхъ условіяхъ*, можетъ оказать очень вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашей партіи. Другая сторона, — редакция quasi-періодическаго изданія „Рабочее Дѣло“, — не хочетъ согласиться съ П. Аксельродомъ. Она думаетъ, что его мнѣніе лишено всякаго основанія.

Человѣку, стоящему вдали отъ внутреннихъ дѣлъ нашей партіи, такой споръ могъ показаться не интереснымъ, тѣмъ болѣе, что спорящія стороны выражались иногда полунамеками, понятными лишь для немногихъ. Но въ дѣйствительности споръ этотъ имѣетъ большую практическую важность, и потому группа „Освобожденіе Труда“ считаетъ нужнымъ содѣйствовать его рѣшенію, опубликовавемъ предполагаемаго сборника матеріаловъ.

Сборникъ этотъ посвящается редакціи „Рабочаго Дѣла“, такъ какъ она особенно нуждается въ знакомствѣ съ содержащимися въ нихъ документами. Чтобы облегчить ей пользованіе сборникомъ, я снабжаю его нѣкоторыми комментаріями.

Но прежде, чѣмъ взяться за комментаріи, я считаю необходимымъ напомнить прочимъ читателямъ различныя перипетіи спора между П. Аксельродомъ и редакціей „Рабочаго Дѣла“.

Въ 1898 г. вышла въ Женевѣ, съ предисловіемъ П. Аксельрода, брошюра: „Задачи русскихъ социалдемократовъ“, написанная въ Россіи однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей нашей партіи. Въ своемъ предисловіи П. Аксельродъ сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе:

„Въ брошюрѣ своей нашъ авторъ обращается главнымъ образомъ къ противникамъ изъ лагеря революціонной интеллигенціи. Онъ старается разсѣять укоренившіеся въ нихъ предразсудки и предубѣжденія противъ социалдемократіи. Это обстоятельство надолго особый отпечатокъ на его произведение. Въ немъ, какъ бы помимо воли автора, отождествляется то, что *должно* быть, съ тѣмъ, что *есть*, задачи и тактика, которыя русская социалдемократія *должна* преслѣдовать, чтобы остаться вѣрной духу своихъ учений, изображаются авторомъ какъ-бы уже безусловно господствующими въ дѣйствительности. Мы слишкомъ давно живемъ въ Россіи и слишкомъ далеки отъ поля борьбы, чтобы съ полной увѣренностью судить о фактическомъ состояніи нашего движенія. Мы можемъ судить о немъ, главнымъ образомъ, по заявленіямъ болѣе молодыхъ товарищей, сравнительно недавно попавшихъ за границу. А эти товарищи, за рѣдкими исключеніями, довольно далеки еще отъ тѣхъ практическихъ воззрѣній, на почвѣ которыхъ стоитъ авторъ настоящей брошюры, и увѣряютъ, что такъ же, какъ они, смотрятъ на практику русской социалдемократіи большинство активныхъ группъ“.

Это замѣчаніе не понравилось редакціи „Рабочаго Дѣла“. Въ первомъ же № своего изданія она напечатала анонимный разборъ названной брошюры, въ которомъ мы находимъ слѣдующее возраженіе П. Аксельроду.

„Повторяемъ: брошюра особенно цѣнна тѣмъ, что она насъ знакомитъ изъ первыхъ рукъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашего движенія, съ его жизненною практикой. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ товарищемъ П. Аксельродомъ, который въ своемъ предисловіи склоняется къ мысли, что „въ общемъ движеніе наше еще только стремится къ той ступени развитія, которой исполнѣ соответствуетъ тактическая точка зрѣнія автора“. Впрочемъ, Аксельродъ основываетъ свое мнѣніе единственно на „заявленіяхъ болѣе молодыхъ товарищей, сравнительно недавно попавшихъ за границу“, признавая въ то же время, что новѣйшія изданія нашихъ русскихъ товарищей и „Манифестъ“ социалдемократическаго съѣзда въ Россіи исполнѣ отражаютъ взгляды, изложенные въ брошюрѣ. Не знаемъ, про какихъ „молодыхъ“ товарищей говоритъ Аксельродъ; съ своей стороны мы имѣемъ основаніе утверждать, что болѣе молодая русская социалдемократія, теченіе, социалдемократія, выросшая и дѣйствующая на почвѣ новѣйшаго массоваго движенія, въ общемъ уже на *болѣе* принимаетъ точку зрѣнія автора“.

На это возраженіе П. Аксельродъ отвѣтилъ открытымъ письмомъ въ редакцію „Рабочаго Дѣла“.

Написанное еще въ *августѣ*, письмо это, по разнымъ причинамъ, появилось *только въ концѣ декабря* прошлаго года. А тѣмъ временемъ редакція „Рабочаго Дѣла“, въ послѣсловіи къ изданію ею „Протесту“ одной группы русскихъ товарищей противъ нѣкотораго, особенно яркаго выраженія *экономическаго* образа мыслей, еще разъ заявила о своемъ несогласіи съ П. Аксельродомъ. Это новое заявленіе сдѣлано было ею по слѣдующему поводу.

Авторы „Протеста“, — ясно и рѣшительно высказавшие свою солидарность съ группой Освобожденіе Труда, — говорятъ, между прочимъ, что одна уже возможность появленія въ русской социалдемократической средѣ разбираемаго и отвергаемаго ими образа мыслей показываетъ, насколько основательны были опасенія П. Аксельрода, когда онъ, въ концѣ 1897 года, рисовалъ передъ своими читателями такую перспективу.

„Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера, въ борьбѣ же за политическую свободу передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками и фракціями изъ такъ называемой интеллигенціи“.

Авторы „Протеста“ думаютъ, что русскіе социалдемократы должны объявить рѣшительную войну *экономическому* направленію, потому что его торжество повело бы *къ переходу въ дѣйствительность* той перспективы, на которую П. Аксельродъ указывалъ, какъ на неприятную *возможность*. Они горячо и настоятельно совѣтуютъ товарищамъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы осуществилась другая перспектива, нарисованная П. Аксельродомъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Другая перспектива: социалдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу *частію рядомъ и въ союзъ* съ буржуазными революціонными фракціями (по сколько таковыя будутъ въ наличности), частію же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи“*).

*) См. брошюру П. Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социалдемократовъ“. Женева, 1898. стр. 19 и 20.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ объявила себя совершенно солидарной съ авторами „Протеста“, но ей не понравилось то несомнѣнное обстоятельство, что эти авторы съ своей стороны совершенно солидарны съ П. Аксельродомъ, мнѣніе котораго она оспаривала. И вотъ она поспѣшила высказать свое твердое убѣжденіе въ томъ, что „символъ вѣры“ (иначе — „credo“), противъ котораго возстали авторы „Протеста“, представляетъ собою не больше, какъ мнѣніе единичныхъ лицъ и что, поэтому,

„опасеніе товарища П. Аксельрода, высказанное имъ, какъ первая изъ возможныхъ перспективъ, ни въ 1897 году не имѣла, ...ни теперь не имѣетъ серьезнаго основанія въ дѣйствительномъ ходѣ русскаго рабочаго движенія“.

Чтобы еще болѣе оттъннить неосновательность опасеній П. Аксельрода, редакція „Рабочаго Дѣла“ пускаетъ въ слѣдующія соображенія.

„Послѣ широкаго стачечнаго движенія второй половины 90-хъ годовъ, грандіозной борьбы (1896—97 г.г.) петербургскихъ тѣкачей и побѣды рабочихъ надъ правительствомъ — вынужденнаго законодательнаго сокращенія рабочаго дня въ Россіи — трудно было думать, что „рабочее движеніе не выходило изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ не имѣетъ политическаго характера“. Основательность мрачныхъ опасеній товарища Аксельрода не доказывается, по нашему мнѣнію, и простой „возможностью появленія“ такой „программы“, какъ вышенапечатанное «credo». Такія „программы“, вѣрнѣе — личныя фантазіи политическихъ младенцевъ (хотя бы и солиднаго возраста) появлялись раньше и будутъ появляться впредъ — пока русская социалдемократія не достигнетъ единства взглядовъ на основныя задачи рабочаго движенія въ Россіи выработкой опредѣленной программы и тактики партіи. Тогда всѣ будутъ знать настоящую цѣну „программамъ“ въ родѣ «credo», лишь тогда сдѣлается невозможнымъ политическое самозванство отдельныхъ лицъ и маленькихъ группъ, выдающихъ плоды своего „штанія мысли“ за выраженіе дѣйствительнаго ха-

рактера рабочего движения или за „символы вѣры“ новых течений въ русской социалдемократии“.

Въ этихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ прежде всего бросается въ глаза явная пере...становка понятій.

Когда П. Аксельродъ рисовалъ первую изъ упомянутыхъ выше перспективъ, онъ вовсе не дѣлалъ никакихъ пророчествъ на счетъ будущности нашего рабочего движения. Эта перспектива должна была показать, какой видъ приняло бы наше рабочее движение, если бы (NB: если бы) осуществилось то, что страстно и упорно желали сторонники экономического направленія. Если редакция „Рабочаго Дѣла“ была несогласна съ П. Аксельродомъ, то ей надо было показать, что нарисованная имъ перспектива не могла осуществиться даже въ случаѣ торжества сторонниковъ экономического направленія. Показавъ это, редакция „Рабочаго Дѣла“ разъ навсегда обнаружила бы заблужденіе П. Аксельрода, и споръ окончился бы рѣшительнымъ и полнымъ пораженіемъ одной изъ спорящихъ сторонъ. Но была-ли въ состояніи показать это названная редакция? Нѣтъ, не была. Напротивъ. Напечатанный ею „Протестъ“ содержитъ въ себѣ блестящее и непререкаемое доказательство проницательности и дальновидности П. Аксельрода. Въ самомъ дѣлѣ. Къ чему стремятся авторы того „символа вѣры“ („credo“), который такъ горячо и рѣшительно осуждается авторами „Протеста“? Авторы „credo“ стремятся теперь къ осуществленію одной изъ тѣхъ перспективъ (именно—первой), которыя были указаны П. Аксельродомъ еще въ 1897 году. Значитъ, если бы осуществились стремленія авторовъ „credo“, то тѣмъ самымъ осуществилась-бы и первая изъ указанныхъ П.

Аксельродомъ перспективъ. Если А тождественно съ В, то осуществленіе А равносильно осуществленію В. Стало бытъ, П. Аксельродъ правъ? Конечно! И нельзя не пожалѣть о людяхъ, которымъ непонятны столь простыя вещи.

Но можно-ли отнести къ числу такихъ людей редакцію „Рабочаго Дѣла“? Признаюсь, я думаю, что — нѣтъ. Мнѣ кажется, что эта редакция прекрасно поняла, до какой степени правъ былъ П. Аксельродъ, и что именно непріятное для нея сознаніе правоты ея противника привело ее къ пере...становкѣ понятій, т. е. къ искаженію словъ П. Аксельрода. П. Аксельродъ говорилъ о томъ, какое направленіе приметъ наше рабочее движение, если оно пойдетъ такъ, какъ этого хотятъ сторонники „экономическаго“ направленія, а редакция „Рабочаго Дѣла“ приписываетъ ему ту мысль, что наше рабочее движение вообще не способно выйти изъ тѣснаго русла чисто-экономическихъ столкновений съ предпринимателями. Человѣкъ, желая характеризовать свойства пороха, говорить: „если бросить въ него зажженную спичку, то произойдетъ взрывъ“. А вы кричите, что Петръ никогда не броситъ спички. Очень можетъ быть, что вы и правы, но это не измѣняетъ свойствъ пороха, и онъ все таки вспыхнетъ, если спичка будетъ брошена. Хороши-ли такіе приемы спора? И нужны-ли они людямъ, убѣжденнымъ въ своей правотѣ?

Начиная полемику съ П. Аксельродомъ, редакция „Рабочаго Дѣла“ „не знала“, какіе это товарищи держатся „экономическаго“ направленія. А теперь она увидѣла себя вынужденной выступить противъ „Рабочей Мысли“, въ которой названное направленіе дошло до абсурда. Но вѣдь „Рабочая Мысль“ существуетъ

не со вчерашняго дня, и когда редакція „не знала“, указанного П. Аксельродомъ обстоятельства, „Рабочая Мысль“ давала уже полную возможность оцѣнить всѣ достоинства ея образа мыслей. Какъ же могла „не знать“ его редакція „Рабочаго Дѣла“?

Да не подумаетъ, однако, читатель, что Аксельродъ имѣлъ въ виду *только* „Рабочую Мысль“. Нѣтъ, онъ намекалъ также и на другихъ, но объ этихъ другихъ я поговорю ниже.

Исказивъ слова Аксельрода, правдивая редакція „Рабочаго Дѣла“ считаетъ нужнымъ указать на успѣхи нашего рабочаго движенія, будто бы непринятые во вниманіе ея противникомъ. Что русское рабочее движеніе *уже* ознаменовалось серьезными успѣхами, и что русскіе рабочіе *уже* одержали нѣкоторые серьезные побѣды, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но ни П. Аксельродъ въ частности, ни группа Освобожденіе Труда вообще ни мало не отрицаютъ этихъ побѣдъ и успѣховъ. Напротивъ, группа Освобожденіе Труда видитъ въ нихъ лишь яркое доказательство возможности у насъ широкаго рабочаго движенія, возможности, на которую она не переставала указывать съ появленія первыхъ своихъ изданій, т. е. съ того времени (съ 1883 года), когда нынѣшніе редакторы „Рабочаго Дѣла“ или, по молодости лѣтъ, вообще были совсѣмъ „беззаботны“ на счетъ всякихъ „программъ“, или косились въ народническихъ предразсудкахъ. И если редакція „Рабочаго Дѣла“ находитъ теперь нужнымъ бить намъ челомъ нашимъ же добромъ, то это лишь показываетъ, въ какое затруднительное и досадное положеніе поставило ее, во-первыхъ, желаніе во что-бы то ни стало опровергнуть П. Аксельрода, сдѣ-

лавшаго непріятный для нея намекъ, а, во-вторыхъ, появленіе въ Россіи литературнаго произведенія (*сredo*), содержаніе котораго представляетъ собою блестящее подтвержденіе словъ того же П. Аксельрода. Досада плохой совѣтницъ!

Редакція „Рабочаго Дѣла“ твердо увѣрена, что названное „*sredo*“ есть не болѣе, какъ „мнѣніе единичныхъ лицъ“. Эта твердая увѣренность, конечно, весьма отрадна и для самой редакціи, и для читателей ея журнальчика. Но вопросъ не въ этомъ. Надо знать, *много-ли* такихъ „единичныхъ лицъ“ и каково ихъ положеніе въ партіи? А что, если ихъ много? И что, если они занимаютъ такое положеніе въ нашихъ рядахъ, пользуясь которымъ они могутъ сильно содѣйствовать торжеству „экономическаго направленія“? Редакція „Рабочаго Дѣла“ зачѣмъ-то стала оспаривать П. Аксельрода, намекнувшаго на то, что между нашими молодыми товарищами заграницей немало сторонниковъ „экономическаго“ направленія. А между тѣмъ П. Аксельродъ говорилъ *чистѣйшую правду*. Редакція „Рабочаго Дѣла“ сама хорошо знала это. Но читателямъ было неизвѣстно истинное положеніе дѣлъ. Они могли подумать, что П. Аксельродъ высказался такъ единственно благодаря склонности (приписанной ему редакціей „Рабочаго Дѣла“) къ „мрачнымъ опасеніямъ“. И вотъ, чтобы показать читателямъ истинное положеніе дѣлъ, П. Аксельродъ написалъ свое письмо въ редакцію „Рабочаго Дѣла“. Съ тою-же самою цѣлью группа „О. Т.“ издаетъ теперь этотъ сборникъ документовъ.

Она думаетъ, что въ настоящее время необходимо и полезно высказать, по выраженію Лассалля, то, что есть—*aussprechen was ist*.

Первый изъ предлагаемыхъ документовъ представляеть собою простую перепечатку „Протеста“ нашихъ русскихъ товарищей противъ сторонниковъ „экономическаго“ направленія. Мы сочли нужнымъ воспроизвести его здѣсь для удобства читателя, который пожелалъ-бы имѣть его подъ рукою для неизбѣжныхъ справокъ и для нелишенныхъ интереса сопоставленій*).

Вторымъ документомъ является письмо къ П. Аксельроду г. М. М., одного изъ авторовъ брошюры противъ группы Освобожденіе Труда. Письмо это, полученное Аксельродомъ весною 1898 года, и затрогивающее важнѣйшіе вопросы нашей социальдемократической практики, содержитъ въ себѣ зародыши тѣхъ самыхъ взглядовъ, которые нашли теперь такое полное выраженіе въ „credo“. Авторъ письма извиняется за свое „длинное и мало связанное изложеніе элементарныхъ истинъ“. Дѣйствительно, изложеніе его длинно и без-

*) По поводу „Протеста“ мы пишемъ:

Дорогой товарищ!

Очевидно, заграницей не получена еще одна резолюція по поводу «credo», такъ какъ въ протестъ русскихъ социальдемократовъ съ послѣсловіемъ отъ редакціи „Рабочаго Дѣла“ ничего не говорится объ этомъ.

Между тѣмъ, въ другомъ городѣ Россіи вторая группа социальдемократовъ, состоящая случайно также изъ 17 человекъ, въ числѣ которыхъ находился и я, единодушно присоединилась къ вышеупомянутому протесту. Къ сожалѣнію, я не могу сейчасъ привести дословно эту резолюцію, но смыслъ ея былъ безусловно таковъ: мы всецѣло согласны съ инициаторами протеста, въ виду того, что они вполнѣ выражаютъ основныя воззрѣнія на принципы и задачи русской социальдемократіи, какъ они сформулированы въ „Манифестъ Россійской Социальдемократической Партіи“.

Вашъ и т. д.

связно, и потому не легко понять, въ чемъ заключаются излагаемая имъ „истины“. Но при внимательномъ чтеніи онѣ все таки выступаютъ наружу съ достаточною ясностью. Самая несомнѣнная изъ этихъ „истинъ“ заключается въ томъ, что автору письма „послѣ Бельгіи“ стало стыдно говорить о социальной революціи“. Эти слова, не подчеркнутыя въ письмѣ, напечатаны въ нашемъ сборникѣ курьезномъ, такъ какъ намъ хотѣлось обратить на нихъ особенное вниманіе читателя: въ нихъ заключается психологія цѣлаго теченія. Почему авторъ стыдился „послѣ Бельгіи“ говорить о социальной революціи? Потому, говоритъ онъ, что въ Бельгіи онъ увидѣлъ антагонизмъ мелкихъ ремесленниковъ съ крупными „мануфактурными“ рабочими и антагонизмъ интеллигенціи, мечтающей о захватѣ власти и социальной революціи съ рабочими, защищающими свои классовые *реальные интересы*. Но почему же стыдно говорить о „социальной революціи“ въ виду антагонизма ремесла съ крупной промышленностью? Развѣ экономическое движеніе современныхъ обществъ не устраняетъ этого антагонизма на свой ладъ, все болѣе и болѣе расчищая почву для крупныхъ предпріятій? И откуда авторъ письма взялъ антагонизмъ между людьми, „мечтающими“ о „социальной революціи“, и рабочими, защищающими свои классовые интересы? О какой революціи говорить онъ? О той, которая передала бы власть въ руки пролетаріата и тѣмъ положила бы конецъ господству капиталистовъ. Но развѣ же *такая* революція противорѣчитъ „реальнымъ интересамъ“ рабочихъ? Намъ кажется, что во все не противорѣчитъ. Конечно, въ Бельгіи, какъ и повсюду, еще не мало рабочихъ плохо усвоившихъ

идею рабочей („социальной“ по терминологии автора письма) революции. Но отъ непониманія до антагонизма еще очень далеко. И если многимъ рабочимъ еще чужда идея рабочей революции, то надо выяснять ее имъ, а не „стыдиться“ говорить имъ о ней. Но авторъ письма „послѣ Бельгін“ пришелъ къ тому убѣжденію, что „реальные интересы“ исключаютъ „мечты“ вообще и мечту о рабочей революции въ частности. Это убѣждение лежитъ въ основѣ его письма и оно же легло въ основу „credo“.

Авторъ письма насквозь пропитанъ тѣмъ настроеніемъ, которое въ нашей литературѣ носитъ выразительное названіе *презвеннаго*. Онъ говоритъ, что теперь пропагандировать рабочимъ сверженіе самодержавія (т. е. „просто на просто революцію“), это значитъ подвергать ихъ величайшей опасности. Въ чемъ состоитъ опасность? Въ томъ, что „кровавое море надолго затопитъ нарождающееся рабочее движеніе“. *Кровавое море*—это, конечно, очень страшно (страшнѣе знаменитаго „металла“ и не менѣе знаменитаго „жупела“), но вовсе не убѣдительно. Почему „кровавое море“ затопитъ рабочее движеніе? Если я не ошибаюсь, потому, что рабочее движеніе у насъ еще только „нарождается“. Но вѣдь если оно только *нарождается*, то у насъ еще слабы революціонные элементы, а это значитъ, что у насъ пока еще мало шансовъ не только на „революцію“, но даже на сколько нибудь серьезное возстаніе. Откуда же возьмется „кровавое море“? Авторъ говоритъ, что оно можетъ быть продито „стихийнымъ движеніемъ“. Но самъ-же онъ, и на этотъ разъ совершенно вѣрно, замѣчаетъ, что „стихийное движеніе не есть программный вопросъ“. Зачѣмъ же онъ заговорилъ

о кровавомъ морѣ? Развѣ есть уже признаки начинающагося „стихийнаго движенія“? Развѣ нашъ народъ уже берется „за топоры“? Или развѣ люди, говорившіе рабочимъ о сверженіи самодержавія, призывали ихъ къ немедленному возстанію? *Подобнаго призыва не было ни въ одномъ изъ изданій, вышедшихъ подъ редакціей группы „Освобожденіе Труда“.* О чемъ же толкуетъ авторъ письма?

Вотъ о чемъ. Ему хочется доказать, что революція должна прежде всего произойти въ „самомъ рабочемъ классѣ“. Это дѣйствительно одна изъ *элементарныхъ истинъ*, но не всякій правильно понимаетъ эту элементарную истину. А хуже всѣхъ понимаетъ ее самъ авторъ разбираемаго мною письма.

Благодаря своему *презвенному* настроенію, онъ совсѣмъ не усвоилъ себѣ *материалистическаго пониманія исторіи*. Онъ—*идеалистъ* съ претензіями на „научность“, и въ этомъ источникъ теоретическихъ заключеній, какъ его самого, такъ и всѣхъ ему подобныхъ.

Онъ постоянно говоритъ о реальныхъ интересахъ рабочаго класса. Какъ понимаетъ онъ эти реальные интересы? А вотъ, не угодно-ли вамъ послушать его самого.

„Будущій строй зависитъ не только отъ класса рабочихъ, но и отъ комбинаціи *всѣхъ* условій производства, и въ активную программную дѣятельность рабочаго класса входитъ не можетъ: это величина неизвѣстная, вѣроятно, даже и самому богу. Рабочимъ извѣстны только двѣ вещи: 1) ихъ собственный, ясно созданный, конкретный интересъ и 2) ихъ положеніе, то или другое, среди другихъ классовъ. Отсюда — роль надстройки, интеллигентной социалдемократіи — понять интересъ данной минуты, т. е. ту активно-психическую базу, которая явится двигателемъ массы и, во-вторыхъ, понять возможно шире и правильнѣе положеніе этой

массы въ ряду всѣхъ другихъ условій данной же минуты. Абстрактная проповѣдь социализма и солидарности мало тутъ чѣмъ поможетъ; наоборотъ, вѣрно указанный путь активной борьбы — приведетъ-ли онъ къ успѣху или нѣтъ — сдѣлаетъ много: онъ учить рабочихъ бороться съ одной стороны и съ другой — опять-таки конкретно указываетъ на препятствія и, слѣдовательно, *порождаетъ* новый интересъ. Такимъ образомъ въ самой борьбѣ знаніе методовъ борьбы неизбежно связано съ расширеніемъ горизонта и цѣлей.

Итакъ, будущій строй не можетъ входить въ „активную“ программную дѣятельность. А въ *пассивную* — можетъ? Я думаю, что тоже нѣтъ. „Будущій строй“ есть *цѣль* и, какъ таковая разумѣется, не входитъ въ дѣятельность (активную, пассивную и т. дал.), которая служить *средствомъ* для достиженія цѣли. Это опять одна изъ „элементарнѣйшихъ“ истинъ; вѣрнѣе сказать — это трюизмъ, доказывать который „съ ученымъ видомъ знатока“ по меньшей мѣрѣ странно.

И что такое этотъ „будущій строй“? Соціалисты-утописты подробно изображали въ своихъ сочиненіяхъ будущее, рекомендуемое ими общественное устройство. Современные соціалисты не любятъ такихъ изображеній. „Будущій строй“ фигурируетъ въ ихъ программахъ лишь какъ указаніе на необходимость и на неизбежность *устраненія* (а не только *смягченія*) капиталистической эксплуатаціи и перехода всѣхъ средствъ производства и обращенія продуктовъ въ общественную собственность. Въ этомъ смыслѣ „будущій строй“ является главной цѣлью соціалистической дѣятельности, и сказать, что онъ не долженъ входить въ соціалистическую программу, значитъ или совсѣмъ не понимать ея смысла, или окончательно отказаться отъ социализма. Мы увидимъ, что въ 1898 году, какъ ав-

торъ письма, такъ и другіе наши „молодые товарищи“ были очень склонны именно къ такому отказу.

„Будущій строй зависить не только отъ класса рабочихъ, но и отъ комбинаціи всѣхъ условій производства“. Это противопоставленіе класса рабочихъ условіямъ производства очень странно въ устахъ человѣка, который называлъ себя марксистомъ и который долженъ былъ знать, что раздѣленіе общества на классы и степень развитія каждого изъ нихъ въ отдѣльности находятся въ тѣсной причинной зависимости отъ условій производства. Однако, оставимъ это. Будемъ помнить, что письмо не статья и что въ немъ можно простить описки и промахи, совсѣмъ непростительные въ произведеніи приготовленномъ для печати. Но слѣдующее далѣе разсужденіе автора письма объ „интересахъ рабочаго класса“ не описка; онъ считаетъ его серьезнымъ, новымъ, важнымъ и поучительнымъ. Въ чемъ-же заключается его сущность? Въ томъ, что вѣрно указанный путь борьбы „*порождаетъ* новый интересъ“. Какъ порождаетъ? Уча рабочихъ бороться и указывая имъ на препятствія. Указать рабочимъ на препятствія и научить ихъ бороться, значитъ развитіе ихъ самосознаніе. *Выходитъ, что интересы рабочихъ порождаются развитіемъ ихъ самосознанія.* Это, дѣйствительно, ново въ устахъ людей, называющихъ себя марксистами. Авторъ письма думаетъ, что *сознаніе* даннаго интереса тождественно съ его „*порожденіемъ*“. Это — *идеалистическая точка зрѣнія*, на которой стояли, напримѣръ, французскіе энциклопедисты *восемнадцатаго* вѣка, и которая окончательно устранена успѣхами общественной науки въ *девятнадцатомъ*.

„Рабочимъ извѣстны только двѣ вещи: ихъ собствен-

ный, ясно сознанный, конкретный интерес и их положение среди других классов“. Это тоже надо разобрать. *Всегда-ли* известны рабочим их собственные интересы и их положение среди других классов? Мы, сторонники материалистического взгляда на историю, думаемъ, что *далеко не всегда*. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что *сознаніе* людей опредѣляется ихъ *общественнымъ бытіемъ*. Появление новыхъ сторонъ бытія обуславливаетъ собою новое содержаніе сознанія. Но это опредѣленіе сознанія бытіемъ есть *цѣлый процессъ*, совершающійся въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Вотъ почему рабочимъ далеко не всегда известны ихъ „реальные интересы“. И вотъ почему, напримѣръ, нѣкоторые нѣмецкіе рабочіе поддерживаютъ не социалдемократовъ, а „свободно-мыслящихъ“ или партію центра или даже крупныхъ землевладѣльцевъ. Отношеніемъ *сознанія къ бытію* ясно и точно опредѣляется „роль надстройки — интеллигентной социалдемократіи“. Она должна понять экономическое и (обусловленное имъ) социально-политическое положеніе данной страны, которыми опредѣляются *экономическіе интересы и политическія задачи* рабочаго класса. Уяснивъ эти интересы и эти задачи *самой себѣ*, она должна немедленно перейти къ уясненію ихъ рабочему классу. Она должна стараться ускорить тотъ процессъ, благодаря которому *содержаніе сознанія* приспособляется къ формамъ бытія. Занимаясь этимъ важнымъ и благороднымъ дѣломъ, она не только можетъ, но и должна говорить и о социальной революціи, и о захватѣ власти рабочимъ классомъ, такъ какъ и та, и другой, — и революція, и захватъ, — представляютъ собою необходимое предварительное условіе окончательнаго освобожденія рабочаго

класса отъ ига капитализма. Конечно, объ этомъ, какъ и обо всемъ прочемъ, надо говорить умѣючи. Но кто-же этого не знаетъ? Разумѣется также, что говорить о социальной революціи не значитъ звать рабочихъ къ немедленному пролитію „кроваваго моря“. Но опять-таки, кто-же этого не знаетъ? У Тургенева въ „Нови“ Неждановъ кричитъ мужикамъ: Впередь! За свободу! Умремъ! и т. под.*) Мужики ничего не понимаютъ въ этомъ крикѣ и находятъ, что Неждановъ — сердитый баринъ. Вся эта сцена совершенно нелѣпа. Но вѣдь это *карикатура*, очень мало соотвѣтствовавшая тактикѣ русскихъ народниковъ-революционеровъ, и уже вовсе не соотвѣтствующая тактикѣ современной социалдемократіи. Почему же авторъ письма нашелъ нужнымъ осуждать неждановскую тактику „послѣ Бельгіи“? Удивительно!

Да, удивительно. Но удивительно для насъ, держащихся материалистическаго объясненія исторіи, и совершенно естественно для автора письма, смотрящаго на исторію съ точки идеализма. По его мнѣнію, понять интересъ данной минуты значитъ прежде всего понять „ту активно-психическую базу, которая явится двигателемъ массы“. Тамъ, гдѣ мы начинаемъ съ *экономики*, онъ начинается съ *психологии*. Содержаніе нашей проповѣди опредѣляется *экономическими и социально-политическими отношеніями, которыя мы стараемся уяснить рабочему классу*. А у тѣхъ людей, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія автора письма, содержаніе пропаганды опредѣляется, какъ говоритъ онъ самъ, уже *сознанными интересами рабочихъ*. Указаніе пути на почвѣ *этихъ ин-*

*) Цитирую на память.

тересовъ есть, — опять по его же выраженію, — *единственная* задача социалдемократіи. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ, совершенно логичный выводъ, что не слѣдуетъ „говорить теперь, пропагандировать рабочимъ сверженіе самодержавія“. Онъ заговорить объ этомъ только тогда, когда сама масса уже будетъ проникнута ненавистью къ самодержавію. Онъ не желаетъ стучаться въ закрытыя сердца, потому что это значить „не найти въ нихъ желаннаго отклика“. Онъ начнетъ стучаться только тогда, когда они будутъ уже открыты.

Читатель спроситъ, пожалуй: да зачѣмъ же стучаться въ тѣ сердца, которыя уже открыты? И не выходитъ-ли изъ словъ автора письма, что „единственная“ задача социалдемократіи заключается въ томъ, чтобы, по извѣстному выраженію, *ломиться въ открытую дверь*? На это я отвѣчу, что и въ самомъ дѣлѣ именно это выходитъ изъ словъ автора письма. Его идеализмъ приводитъ его *въ тутой переулокъ*.

Если бы мы поставили своей „единственной“ задачей ту дѣятельность, которую онъ намъ рекомендуетъ, то мы тѣмъ самымъ объявили бы, что не желаемъ содѣйствовать развитію самосознанія пролетаріата, а это было-бы равносильно отказу отъ важнѣйшей исторической миссіи социалдемократіи. Мысль о такомъ отказѣ всегда была чрезвычайно далека отъ группы „Освобожденіе Труда“. Отсюда — ся „*антагонизмъ*“ съ авторомъ письма и съ его единомышленниками.

Чтобы быть справедливымъ по отношенію къ идеалистамъ, я замѣчу, однако, что хотя идеализмъ песоннѣю представляетъ собою *гораздо меньше* прочную основу для революціонныхъ выводовъ, чѣмъ материализмъ, но тѣмъ не менѣе онъ не всегда приводитъ своихъ

сторонниковъ къ *трезденности*, свойственной автору разбираемаго мною письма. Французскіе идеалисты восемнадцатаго вѣка были убѣжденными революціонерами. Они не боялись *стучаться въ закрытыя сердца* и умѣли отворять ихъ своимъ вдохновеннымъ словомъ. Если авторъ письма *консервативенъ*, то въ этомъ виновато главнымъ образомъ то обстоятельство, что онъ не только идеалистъ, но въ добавокъ — *идеалистъ, фальсифицированный марксизмомъ*.

Онъ слышалъ, что по теоріи Маркса въ основѣ великихъ общественныхъ движеній лежатъ великіе общественные интересы. Онъ зналъ, что по смыслу той-же теоріи, только та пропаганда имѣетъ шансы на успѣхъ въ средѣ людей даннаго класса, которая выражаетъ интересы этого класса и опирается на нихъ. Но онъ не выяснилъ себѣ, какое именно понятіе должно связываться со словомъ: *интересъ*. Онъ отождествилъ интересъ съ *извѣстнымъ состояніемъ сознанія*. Онъ рѣшилъ, что интересы „*порождаются*“ не фактическими отношеніями людей въ общественномъ процессѣ производства, а человѣческимъ сознаніемъ. Короче, онъ придалъ этому слову совершенно идеалистическое толкованіе. А такъ какъ онъ во что бы то ни стало хотѣлъ стать на „*нашинюю*“ почву, то онъ и заговорилъ объ „*активно-психической базѣ*“, какъ о такомъ предѣлѣ, котораго не должна переступать социальная демократія, если она не хочетъ превратиться въ партію утопистовъ. Но названная база стоитъ въ нынѣшней Россіи очень не высоко: русская трудящаяся масса пока еще не понимаетъ необходимости борьбы съ самодержавіемъ; поэтому авторъ письма осуждаетъ всякіе толки о сверженіи самодержавія. Какъ я уже замѣтилъ выше, онъ

позволить намъ нападать въ нашихъ писаніяхъ на самодержавіе только тогда, когда самодержавіе потеряетъ всякій престижъ въ глазахъ народа, т. е. когда наши нападки на него станутъ совершенно излишни.

Во время свиданія Моисея съ Иеговой на горѣ Синаѣ, сварливый еврейскій богъ стоялъ, какъ извѣстно, спиною къ своему вѣрному слугѣ, такъ что почтенный вождь Израіля видѣлъ только „заднюю его“. Наши сторонники „экономическаго“ направленія въ этомъ отношеніи похожи на Моисея: они видятъ только „заднюю“ нашего пролетаріата. Но Моисей созерцалъ божью „заднюю“ потому, что такъ угодно было его деспотическому повелителю, а наши „экономисты“ созерцаютъ заднюю рабочаго класса единственно по той причинѣ, что такъ *удобно имъ самимъ*. И они приходятъ въ очень непріятное раздраженіе, когда пролетаріатъ обращивается къ нимъ другою частью своего тѣла*). Конечно

*) Вотъ примѣръ. Въ № 1 „Рабочаго Дѣла“ (стр. 79) мы читаемъ: „Въ серединѣ декабря на фабрикахъ Макселя и Палы были распространены прокламаціи за подписью „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, въ которыхъ формулировались требованія рабочихъ... Совершенно случайно въ прокламаціи не попалъ еще два *политическихъ* требованія, выставленныхъ рабочими, именно: требованіе свободы стачекъ и свободы собраний. Какъ передаютъ, въ списокъ требованій, составленномъ самими рабочими... эти требованія были указаны; и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ воззваніи ихъ не оказалось, рабочіе остались очень недовольны“. Вы понимаете, читатель, смыслъ той „совершенно случайности“, благодаря которой изъ списка требованій рабочихъ были выкинуты *политическія* требованія? „Интеллигенты“, которымъ былъ переданъ списокъ, выпустили ихъ, какъ несоотвѣтствующія „активно-психической базѣ“ „Интеллигенты“ превратились въ цензоровъ „непропускающихъ“ извѣстныхъ тенденцій. А редакция „Рабочаго Дѣла“ ничего „не знаетъ“. Жаль! очень жаль!

de gustibus non est disputandum, но все таки довольно странны вкусы „порождающіеся“ у идеалистовъ, „софистифицированныхъ“ марксистомъ.

Авторъ письма говоритъ, что онъ не принимаетъ „за евангеліе“ Манифеста Коммунистической Партіи. Онъ настаиваетъ на необходимости пересмотра высказанныхъ тамъ взглядовъ. Короче, онъ принадлежитъ къ числу многочисленныхъ теперь „критиковъ“ Маркса. Мы видѣли, къ чему привела его „критика“: къ историческому идеализму XVIII-го вѣка, софистифицированному плохо понятымъ марксизмомъ. Подобныя окказіи часто случаются теперь съ гг. „критиками“ Маркса: они кричатъ о необходимости идти впередъ, а на самомъ дѣлѣ пятятся назадъ, подобно ракамъ. И вотъ почему необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія революціонной мысли Европы является въ настоящее время *критика и критиковъ*.

Товарищъ К — въ (Кольцовъ) сказалъ въ своей брошюрѣ о законѣ 2-го Іюня, что царское правительство не можетъ заботиться объ интересахъ рабочихъ, и что оно должно погибнуть, для того, чтобы рабочіе могли жить. Авторъ письма возражаетъ на это, что ни одно правительство Запада не помогаетъ рабочимъ защищать свои интересы, и что, напротивъ, каждое изъ нихъ препятствуетъ имъ въ этомъ. При чемъ-же тутъ абсолютизмъ? спрашивается онъ съ нескрываемой проныей. Я не стану останавливаться на этомъ возраженіи, представляющемъ собою лишь блѣдную копію со старой аргументаціи бакунистовъ, утверждавшихъ, что „буржуазная конституція“ никогда ничего не приносила рабочему классу. Я увѣренъ, что читатель и самъ знаетъ, въ чемъ заключается слабая сторона этой

аргументации. Но не мѣшаетъ замѣтить, что бакунизмъ тоже представляетъ собою одну изъ разновидностей идеализма софистицированного маркенизмом*).

Не стану я также разбирать тотъ взглядъ автора, что „въ Россіи нельзя ожидать чего-либо отъ конституціи“. Это тотъ же бакунизмъ.

Мнѣ хочется теперь обратить вниманіе читателя на то мѣсто письма, гдѣ говорится, что въ нашей социаль-демократической литературѣ подборъ фактовъ и освѣщеніе ихъ должны отвѣчать главной задачѣ: борьбѣ настоящей, борьбѣ возможной, а „пропаганда будущаго, социализма и всего прочаго(?)“ можетъ пока служить лишь для привлеченія отдѣльных лицъ. Мы сейчасъ увидимъ къ какимъ выводамъ пришли люди, раздѣлявшие этотъ взглядъ.

Третьимъ документомъ въ нашемъ сборникѣ является письмо г. Г., одного изъ нынѣшнихъ столповъ „Союза русскихъ социальдемократовъ“. Оно было написано около того же времени, къ которому относится только-что разобранное мною письмо, т. е. весною 1898 года, и передано въ редакцію „Работника“ для ея назиданія. Господинъ Г. принадлежалъ въ то время къ ской группѣ о которой говорится въ предыдущемъ письмѣ. Онъ излагаетъ въ своей эпистолѣ взгляды нѣкагого N. N., одного изъ авторовъ вошедшей въ нашъ сборникъ брошюры противъ группы „Освобожденіе Т.“ Онъ считаетъ этого г. N. N.

„человѣкомъ выдающимся по своему оригинальному мышленію

*) См. объ этомъ въ моей брошюрѣ: „Anarchismus und Sozialismus“. Berlin 1894.

и умѣнію критически относиться ко всякимъ революціоннымъ традиціямъ и взглядамъ“.

Онъ указываетъ на то, что по мнѣнію г. N. N. „утопично и ребячество“ не только говорить о захватѣ политической власти пролетаріатомъ, но также, между прочимъ, и „ставить въ программу обобществленіе орудій труда“ (sic)! Поясняя этотъ, по истинѣ выдающійся взглядъ, г. Г. прибавляетъ, что для г. N. N. „еще вопросъ“, можемъ-ли мы говорить объ уничтоженіи капиталистической эксплуатаціи. Господинъ Г. увѣряетъ даже, — со словъ г. N. N. и вопреки общензвѣстнымъ фактамъ, — что всѣ усилія бельгійской партіи направить рабочихъ на широкую политическую борьбу разбиваются въ конецъ. Изъ всего этого господиномъ N. N. дѣлался, — по словамъ г. Г., — тотъ выводъ, что

„толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о социализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпость“.

Все это, бесспорно, — очень „выдающіеся“ взгляды. Какъ же смотритъ на нихъ самъ г. Г.? Въ одномъ мѣстѣ своего письма онъ замѣчаетъ, что путь критики, чрезвычайно благодарный для такого выдающагося челоѣка, какъ г. N. N., въ тоже время очень скользкій путь. Но онъ рѣшительно нигдѣ не высказываетъ убѣжденія въ томъ, что г. N. N. уже поскользнулся. Напротивъ, онъ горячо защищаетъ его ученіе. А изъ другого письма того же г. Г. ясно видно, что онъ разошелся съ г. N. N. вовсе не потому, что тотъ называлъ нелѣпостію толки о борьбѣ съ самодержавіемъ и съ капитализмомъ.

Это другое письмо г. Г. составляетъ четвертый документъ нашего сборника. Оно, какъ и первое письмо,

не имѣть даты. Но по его содержанию не трудно определить время, къ которому оно относится. Господинъ Г. говорить въ немъ о возникновеніи такъ называвшейся русской социалъдемократической партіи. Слѣдовательно, оно написано *послѣ* ея возникновенія. А такъ какъ она возникла весной 1898 года, то и письмо г. Г. написано *не раньше этого времени*. Изъ этого письма видно, что г. Г. — одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ въ „С. Р. С.-Д.“ — очень скептически относился какъ къ „русской“, такъ и къ „россійской“ социалъдемократической партіи. Онъ даже сомнѣвался въ томъ, что появленіе этихъ партій*) можетъ быть названо прогрессивнымъ явленіемъ. Неудивительно послѣ этого, что на съѣздѣ социалъдемократовъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые отказались заявить о своей солидарности съ манифестомъ Россійской Социалъдемократической Партіи**).

Далѣе въ этомъ второмъ письмѣ г. Г. обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ говорится о „новомъ апостолѣ“. Новый апостолъ не кто иной, какъ „выдающийся“ г. Н. Н., извѣстный намъ изъ перваго письма г. Г. Этотъ Н. Н. „милъ“ ему, господину Г., „по-прежнему“. Господинъ Г. „немного“ расходится съ нимъ.

„по вопросу о необходимости выставленія въ программахъ организаціоннаго начала“.

по во всемъ остальномъ между ними царить „полное“ и трогательное согласіе.

Изъ этого слѣдуетъ, что весной 1898 года, уже послѣ

*) Какъ извѣстно, очень скоро слившихся въ одну.

**) Можетъ быть, г. Г. скажетъ, что это не точно? Аксельродъ имѣетъ документы, съ помощью которыхъ я неопровержимо докажу справедливость своихъ словъ. Хотите-ли этого г. Г.?

возникновенія Русской Социалъдемократической Партіи, г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ Союза Русскихъ Социалъдемократовъ, былъ одного мнѣнія съ человекомъ, утверждавшимъ, что нельзя толковать русской рабочей массы о сверженіи самодержавія, о социализмѣ и даже объ уничтоженіи капитализма.

Отрицательное отношеніе къ „толкамъ“ объ уничтоженіи капитализма совершенно понятно въ г. Г., „вполнѣ согласномъ“ съ г. Н. Н., который думалъ, что

„утопично и ребячество ставить въ нашу программу общественное орудіе труда“.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ ничего „не знала“ объ этомъ. Бѣдняжка!

Господинъ Г. увѣряетъ теперь всѣхъ и каждого, что никакихъ принципиальныхъ разногласій съ группой О. Т. у него не было. Судите вы сами, чпатель, объ его правдивости.

И не одинъ г. Г. былъ въ 1898 году „вполнѣ согласенъ“ съ г. Н. Н. Когда пишущій эти строки поднималъ вопросъ объ исключеніи изъ партіи господина Н. Н., какъ человѣка, совершенно отрицающаго точку зрѣнія социальной демократіи и въ своемъ отрицаніи идущаго даже дальше пресловутаго „отступника“ Берштейна, мое предложеніе вызвало горячій протестъ со стороны нашихъ „молодыхъ“, объявившихъ, что они считают и будутъ считать его своимъ товарищемъ. Въ то же самое время насъ увѣряли, что г. Берштейнъ есть „великое явленіе“, заслуживающее не порицанія, а полнѣйшаго сочувствія*).

*) Отголоски этого сочувствія „великому явленію“ дошли до самого г. Берштейна, который намекаетъ на него въ своей извѣстной брошюрѣ.

Въ виду этой оппозиціи группа Освобожденіе Труда отказалась отъ мысли объ исключеніи г. Н. Н., который съ своей стороны обѣщалъ изложить свои взгляды въ особой брошюрѣ.

Эта брошюра представляетъ собою пятый документъ въ нашемъ сборникѣ. Она была привезена въ Женеву и торжественно вручена мнѣ г. Г., настоятельно требовавшимъ ея напечатанія отъ имени всѣхъ „молодыхъ“ товарищей. Я обѣщалъ немедленно отдать ее въ наборъ, прибавивъ, что вслѣдъ за ея выходомъ, я напечатаю свой отвѣтъ на нее. Товарищъ Б. уже приступилъ, если не ошибаюсь, къ набору полемическаго произведенія г. Н. Н., какъ вдругъ отъ „молодыхъ“ товарищей пришло новое настоятельное требованіе, на этотъ разъ совершенно противоположнаго характера: они требовали, чтобы мы прекратили печатаніе брошюры. Но не думайте, читатель, что причиной этой внезапной перемѣны рѣшенія была столь-же внезапная перемѣна въ образѣ мыслей нашихъ „экономическихъ“ товарищей. Противъ этой мысли говорить какъ психологическая невозможность подобныхъ перемѣнъ въ головахъ людей, хотя и называющихъ себя молодыми, но давно уже вышедшихъ изъ юношескаго возраста, такъ и множество другихъ соображеній.

Во-первыхъ, второе письмо г. Г., написанное послѣ переговоровъ о напечатаніи брошюры г. Н. Н., ясно свидѣтельствуешь о томъ, что „мы“ разошлись съ этимъ господиномъ лишь по вопросу объ „организационномъ началѣ“, а во всемъ остальномъ „мы“ были съ нимъ вполне согласны.

Во-вторыхъ, на съѣздѣ наши „молодые“ товарищи отказались, какъ извѣстно, стать на точку зрѣнія ма-

нифеста россійской социалъдемократической партіи. Это показываетъ, что они и тогда продолжали держаться „экономическаго“ направленія, главнымъ и наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ котораго былъ г. Н. Н.

Въ-третьихъ, въ одной изъ своихъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ № 9-10 „Листка Работника“, вышедшемъ послѣ съѣзда, г. В. И — ѣ — *одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ „Рабочаго Дѣла“* — обрушивается на „революціонеровъ“, которые будто бы

„считали за безусловную истину, да и теперь еще не совсѣмъ перестали такъ думать, что классовое рабочее движеніе при настоящихъ политическихъ условіяхъ невозможно въ Россіи“.

По словамъ г. В. И — а эти „революціонеры“ смотрѣли на рабочую массу только какъ на наиболѣе революціонную среду, и изъ нея рассчитывали черпать главныя силы для борьбы съ самодержавіемъ. Изъ рабочихъ же

„они хотѣли лишь вырабатывать сознательныхъ борцовъ за общедемократическіе идеалы и совсѣмъ не желали „служивать“ своей дѣятельности организаціей рабочихъ для борьбы съ предпринимателями и активнымъ участіемъ въ стачкахъ“.

О какихъ революціонерахъ говорить г. В. И — ѣ, *одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ „Рабочаго Дѣла“*? Читателю, знакомому съ литературной дѣятельностью группы „Освобожденіе Труда“ и съ революціоннымъ прошлымъ ея членовъ, конечно и въ голову не придетъ, что рѣчь идетъ именно объ этой группѣ*). Но прочи-

*) Минувя другія наши сочиненія, я укажу на свою брошюру: „О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“ (Женева, 1892), гдѣ я, возражая нашимъ противникамъ, подробно доказываю, что рабочее движеніе не только возможно, но уже и началось въ современной Россіи, и что наша партія не можетъ ограничиться борьбой за „общедемократическіе идеалы“. Конечно,

тавъ брошюру г. N. N., онъ увидить, что г. В. И—ъ, — *одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ „Рабочаго Дѣла“* — лишь повторяетъ упреки, расточаемые въ этой брошюрь по нашему адресу. Стало быть еще въ ноябрѣ 1898 года (т. е. во время выхода № 9-10 „Листка Работника“) г. В. И—ъ, — *одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ „Рабочаго Дѣла“*. — вполне одобрялъ отрицательное отношеніе г. N. N. къ программѣ и къ дѣятельности группы „Освобоженіе Труда“. Ясно, что не это отрицательное отношеніе заставило бы г. В. И—а высказаться противъ напечатанія брошюры г. N. N.

Но указанная мною статья г. В. И—а, — одного изъ нынѣшнихъ редакторовъ „Рабочаго Дѣла“, — не была выраженіемъ его личныхъ взглядовъ на программу и дѣятельность группы „Освобоженіе Труда“. Эту статью одобряли какъ разъ тѣ самые „молодые товарищи“, которые сначала потребовали отъ насъ напечатанія брошюры г. N. N., а потомъ взяли назадъ свое требованіе. Отсюда видно, что и у нихъ внезапная перемена рѣшенія вызвана была вовсе не сомнѣніемъ въ основательности нападокъ г. N. N. на сторонниковъ политической агитаціи.

Въ чемъ же дѣло?

Просто на просто въ послѣдовательности г. N. N. и въ непослѣдовательности прочихъ „экономическихъ“ товарищей. Вполнѣ вѣрный своимъ основнымъ взглядамъ (тождественнымъ со взглядами г. М. М., автора разобраннаго мною выше письма къ Аксельроду), г. N. N. все болѣе и болѣе склонялся къ отрицанію всякой не-

всякій имѣетъ право не знать того, о чемъ онъ говорить, но г. В. И—ъ злоупотребляетъ этимъ правомъ.

легальной дѣятельности. Созданіе „мирныхъ“ (т. е. легальныхъ) рабочихъ организацій постепенно стало центральнымъ пунктомъ его программы.

„Всякая организація важна, — говоритъ онъ съ своей брошюрь, — но особенно важны мирныя организаціи“.

Съ его точки зрѣнія это совершенно логично. Но такъ какъ логичность не можетъ быть названа главнѣйшей отличительной чертой образа мыслей нашихъ „молодыхъ“ (alias „экономическихъ“) товарищей, то они и отказались признать тѣ выводы, которые неизбежно вытекали изъ признанныхъ ими посылокъ. *Произошелъ разрывъ*, о которомъ говоритъ г. Г. въ своемъ второмъ письмѣ*). Но этотъ разрывъ не помышалъ, какъ мы уже знаемъ, *господину Г.* — одному изъ нынѣшнихъ столповъ С. Р. С.-Д. — и его единомышленникамъ „во всемъ остальномъ“ *вполнѣ соглашались съ г. N. N.*

Такимъ образомъ „молодые товарищи“ рѣшили не печатать брошюру г. N. N.***) единственно потому, что они не могли одобрить его взглядъ на значеніе мирныхъ организацій. Нападки же его на сторонниковъ политической агитаціи не перестали казаться имъ вполне основательными.

Въ чемъ состоитъ сущность этихъ нападокъ? Господинъ N. N. отождествилъ рекомендуемую группой „Освобоженіе Труда“ политическую борьбу съ заго-

*) Мы съ нимъ немного (sic) расходимся въ вопросахъ о необходимости выставленія въ программахъ организаціоннаго начала, въ смыслѣ организаціи всякаго рода обществъ. Не отрицая этого въ принципѣ, мы считаемъ, что онъ недостаточно знаетъ условія жизни русскаго пролетаріата“.

**) На самомъ дѣлѣ г. N. N. былъ не единственнымъ авторомъ брошюры, но это не измѣняетъ дѣла.

ворщицкой и террористической дѣятельностью и сталъ доказывать, что для такой дѣятельности въ современной Россіи нѣтъ почвы. Не имѣющіе никакого понятія не только объ исторіи нашего революціоннаго движенія, но даже и объ условіяхъ возникновенія *ихъ собственной партіи*, „молодые товарищи“ не замѣтили этой передержки и ожесточились на группу „Освобожденіе Труда“, которой до сихъ поръ приходилось слышать упреки совершенно противоположнаго рода. Конечно, это было наивно до умиذلности, но намъ приходилось отстаивать свою программу, и мы не считали возможнымъ ограничиться добродушно-насмѣшливымъ восклицаніемъ Гуса. „Молодые товарищи“ считали себя представителями новаго направленія въ русской *соціал-демократіи*, а между тѣмъ мы видѣли, что въ этомъ будо бы направленіи нѣтъ ни *соціализма*, ни *демократизма*. И чѣмъ яснѣе мы видѣли это, тѣмъ настоятельнѣе становилась потребность рѣшить—*что же намъ дѣлать?* Впрочемъ, объ этомъ ниже, а теперь я хочу поговорить о брошюрѣ N. N.

Господинъ N. N. думаетъ, что политическая агитація будетъ у насъ своевременна только тогда

„сами рабочіе, самопроизвольно, безъ революціонной бациллы—интеллигенціи, начать борьбу съ самодержавіемъ“.

А до наступленія этого времени онъ совѣтуетъ избѣгать людей, занимающихся политической агитаціей, такъ-же старательно, какъ избѣгаютъ провокаторовъ. Я не буду *оспаривать* это мнѣніе, такъ какъ не желаю обижать читателей, зараженныхъ революціонной бациллой. Я ограничусь новымъ указаніемъ на коренное логическое условіе появленія подобныхъ мнѣній: Это условіе заключается въ совершенномъ непониманіи то-

го матеріалистическаго взгляда на исторію, на которомъ г. N. N. хотѣлось бы построить свою „научную“ программу. Господинъ N. N. повторяетъ ошибку указанную мною при разборѣ перваго письма. Онъ говоритъ:

„Совокупность общественныхъ отношеній.... опредѣляетъ какіе интересы *могутъ быть* у рабочихъ, но не опредѣляетъ, какіе интересы уже сознаны рабочими и вошли въ ихъ жизнь“.

Это очень запутанно: какъ это вошли въ жизнь? Повышеніе заработной платы, конечно, имѣетъ огромный „интересъ“ для рабочихъ, который прекрасно сознается всѣми ими вообще и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Но вошелъ-ли этотъ интересъ въ жизнь? Я не знаю. Сказать откровенно—я знаю, что это совершенно но „несуразный“ вопросъ. Если онъ имѣетъ смыслъ для г. N. N., то единственно потому, что этотъ господинъ еще непереварилъ понятія *интересъ*. Дальнѣйшее его изложеніе подтверждаетъ это какъ нельзя лучше.

„Съ помощью соціальнаго опыта, житейской практики etc., — читаемъ мы въ его брошюрѣ—сознаніе рабочихъ массъ постоянно нагоняетъ реальныя общественныя отношенія, никогда не отождествляясь съ ними“.

Зачѣмъ написано это? Развѣ кто-нибудь изъ противниковъ г. N. N. утверждалъ, что *сознаніе* массъ можетъ „отождествиться“ съ реальными общественными отношеніями? Никто изъ нихъ никогда не утверждалъ этого. Почему же г. N. N. убѣждаетъ ихъ, что указанное „отождествленіе“ невозможно въ *дѣйствительности*? Единственно потому, что онъ не замѣчаетъ *логической невозможности* подобнаго „отождествленія“. Это плохой знакъ.

Господинъ N. N. хочетъ сказать, что сознаніе массъ всегда *отстаетъ* отъ развитія общественныхъ отноше-

ний. Это справедливо въ большей или меньшей степени. Но единственный выводъ, логически вытекающій отсюда, тотъ, что „революціонная бацилла“ (все равно, пронеся ли она изъ интеллигенціи или изъ рабочихъ) должна *всѣми средствами отъ нея средствами способствовать тому, чтобы сознание рабочихъ какъ можно меньше отставало отъ развитія реальныхъ отношеній даннаго общества*: въдь задача этой бациллы именно и заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію самосознанія пролетаріата. Но „выдающійся“ г. N. N. разсуждаетъ иначе.

„Поэтому то (!), — говоритъ онъ, — намъ и приходится дѣлать столь рѣшительное и коренное различіе между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываемъ рабочимъ, и интересами, дѣйствительно имѣющимися у нихъ“.

Теперь посмотрите, что у насъ выходитъ. Прежде у насъ были, во-первыхъ, *реальные интересы рабочихъ*, опредѣлявшіеся всею совокупностью общественныхъ отношеній, и во-вторыхъ — болѣе или менѣе ясное и полное сознание рабочими этихъ реальныхъ интересовъ. Теперь у насъ получились, во-первыхъ, интересы, *приписываемые рабочимъ нами (интеллигентами)*, и во-вторыхъ интересы, *дѣйствительно имѣющіеся у рабочихъ*. Въ чемъ-же отличительные признаки интересовъ второго рода? Въ томъ, что *они сознаны рабочими*. Значитъ, *дѣйствительно измѣются у рабочихъ только тѣ интересы, которые сознаны рабочими*? Выходитъ, что — да. Но въдь самъ же г. N. N. сообщилъ намъ (хотя и въ очень неудачныхъ выраженіяхъ), что сознание рабочихъ *отстаетъ* отъ развитія общественныхъ отношеній. Развѣ изъ этого не слѣдуетъ, что у рабочихъ могутъ явиться такіе интересы, которыхъ они *еще не*

поняли? Конечно, слѣдуетъ. Но что прикажете дѣлать! Господинъ N. N. позабылъ свое собственное положеніе и незамѣтно для себя „отождествилъ“ *сознаніе рабочихъ съ ихъ реальными интересами*. Благодаря этой, нѣсколько несвоевременной забывчивости, онъ однимъ прыжкомъ перескочилъ съ точки зрѣнія Маркса, которую онъ хотѣлъ положить въ основу всѣхъ своихъ разсужденій, на точку зрѣнія идеализма, видящаго въ сознаніи послѣднюю, глубже всѣхъ другихъ лежащую причину историческаго движенія. Послѣ этого скачка совсѣмъ неудивительны его дальнѣйшія разсужденія:

„Развиваясь въ зависимости отъ условій мѣста и времени, сознаніе массъ дѣлаетъ безплодными всѣ попытки насиловать естественный ходъ развитія рабочаго движенія“.

И далѣе:

„вопросъ не въ томъ, богато ли оно (русское рабочее движеніе) при современномъ строѣ русской жизни политическими задачами, а въ томъ, на какой ступени его развитія задачи эти могутъ быть внесены въ его программу, могутъ быть *реализованы*, другими словами, когда для разрѣшенія ихъ созрѣетъ въ немъ матеріальная сила?“

Такъ какъ царизмъ *еще не возбуждаетъ ненависти въ рабочей массѣ*, и такъ какъ у насъ, поэтому, *еще нѣтъ* матеріальной силы, необходимой для его сверженія, то г. N. N. думаетъ, что нападать на него теперь безсмысленно (и въ этомъ, какъ мы знаемъ, съ нимъ „*вполнѣ согласенъ*“ г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“). Съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи дѣло представляется иначе: съ этой точки зрѣнія „революціонная бацилла“ *обязана* развивать самосознаніе рабочаго класса; а это развитіе характеризуется тѣмъ, что рабочій классъ все яснѣе, все шире и все глубже понимаетъ свои интересы,

созданные въ послѣднемъ счетѣ экономикой современнаго общества. Дѣятельность „революціонной бациллы“ только въ томъ случаѣ и имѣетъ смыслъ, если она содѣйствуетъ *ускоренію* этого процесса. А разъ мы хотимъ содѣйствовать его ускоренію, мы не только *можемъ*, но *должны* заводить рѣчь о такихъ интересахъ рабочихъ, которые *еще не сознаны* ими.

Не надо забывать впрочемъ, что г. N. N. склоняется къ легальной дѣятельности и очень неблаговолилъ къ „революціонной бациллѣ“, которая кажется ему совсѣмъ лишнимъ элементомъ историческаго движенія. Подобно автору разобранаго выше письма къ Аксельроду, г. N. N. — идеалистъ, софистицированный марксизмомъ, а въ наше время (во время Бакунина было не такъ) идеалисты этого разряда смотрятъ на революціонеровъ съ холоднымъ презрѣніемъ педантовъ.

Не забудемъ, однако, что у нашего автора есть икоторыя смягчающія обстоятельства. Такими обстоятельствами являются многочисленныя въ его брошюрѣ *противорѣчія* показывающія, что въ моментъ ея писанія онъ еще не былъ окончательно засохшимъ педантомъ.

Крупнѣйшее изъ этихъ противорѣчій заключается въ слѣдующемъ: съ одной стороны г. N. N. желаетъ, чтобы мы *ждали* пока рабочіе „самопроизвольно, безъ революціонной бациллы интеллигенціи“, начнутъ борьбу съ самодержавіемъ; а съ другой стороны онъ признаетъ (не даромъ же онъ софистицированъ именно *марксизмомъ*), что мы *должны* вести въ рабочей массѣ пропаганду, которая помогла бы ей „разобраться въ окружающемъ, въ существующихъ отношеніяхъ“. Онъ самъ сознаетъ это противорѣчіе и старается выйти

изъ него съ помощью различія между пропагандой съ одной стороны и агитаціей — съ другой.

„Пропаганда есть лишь одинъ изъ факторовъ, развивающихъ сознаніе рабочимъ своихъ интересовъ; это сознаніе развивается закономерно въ зависимости не отъ одной лишь пропаганды, а главнымъ образомъ отъ личнаго жизненнаго опыта рабочаго. Сознаніе рабочихъ не тѣсто, лѣпить изъ котораго „мы“ (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. „Мы“ и „наши“ усилія могутъ лишь дополнять то, чему учитъ рабочаго жизнь“.

Что пропаганда есть лишь одинъ изъ факторовъ, развивающихъ сознаніе рабочихъ, это мы знали уже въ то время, когда г. N. N. ходилъ, по выраженію моряковъ, еще съ разрывной бизанью. Очень давно уже знаемъ мы и то, что сознаніе рабочихъ не тѣсто. Но вопросъ вовсе не въ этомъ. Намъ надо рѣшить, каково должно быть *содержаніе* пропаганды; можетъ-ли пропагандистъ указывать рабочимъ на такіе интересы ихъ класса, которые еще не замѣчены, не поняты, не *сознаны* ими? Господинъ N. N. самъ признаетъ, что — можетъ. А это лишаетъ всякаго смысла всѣ его разсужденія на ту тему, что мы не можемъ включать въ свою программу тѣ интересы рабочаго класса, которые еще не сознаны имъ. Развѣ при пропагандѣ рѣчь идетъ не о „программѣ?“ Противопоставленіе же агитаціи пропагандѣ ни мало не облегчаетъ затруднительнаго положенія г. N. N., какъ это очень хорошо видно изъ нижеслѣдующаго.

„Напротивъ — продолжаетъ онъ — въ агитаціи мы исходимъ изъ потребностей, уже существующихъ у агитируемыхъ лицъ (sic), изъ интересовъ, уже сознанныхъ, ощущаемыхъ (sic) ими. Роль агитатора сводится не къ доказательству того, что положеніе данной личности можетъ быть улучшено; — это дѣло пропагандиста; дѣло же агитатора *указать пути и средства* человѣку, уже

знающему, что ему нужно. Агитаторъ пользуется недовольствомъ существующемъ въ массѣ, и указываетъ ей *практическіе пути* для достиженія желанной цѣли. Агитаторъ, такъ сказать, придаетъ опредѣленную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту.

Агитаторъ долженъ придать опредѣленную форму уже возникшему протесту. Хорошо. Но можетъ-ли онъ сдѣлать это, не повліявъ на *сознаніе рабочихъ*? Конечно, нѣтъ. Значить и въ агитаціи „революціонной ба-циллъ“ приходится дѣлать то самое дѣло, въ которомъ заключается ея историческое призваніе: развивать самосознаніе рабочихъ. Въ *этомъ* отношеніи между пропагандой и агитаціей нѣтъ существенной разницы.

Агитаторъ долженъ указать пути и средства. Это еще лучше. Но я опять спрошу: можетъ-ли онъ сдѣлать это, не повліявъ на *сознаніе рабочихъ*? Долженъ-ли онъ говорить *только* о такихъ путяхъ и средствахъ, которые *уже извѣстны* рабочимъ? Это было-бы безмысленно. Если бы онъ говорилъ *только* объ этихъ путяхъ, то его рѣчи были бы излишни и самъ онъ игралъ бы роль знаменитаго пятого колеса въ телегѣ. Агитаторъ можетъ и долженъ говорить *также и о такихъ путяхъ и средствахъ, которые еще неизвѣстны рабочему*. Но въ такомъ случаѣ непонятно, зачѣмъ онъ будетъ ждать пока рабочіе „самопроизвольно“ возненавидятъ абсолютизмъ и начнутъ борьбу съ нимъ. Развѣ побѣда надъ абсолютизмомъ не принадлежитъ къ числу путей и средствъ обезпеченія нѣкоторыхъ, очень важныхъ, интересовъ трудящагося класса?

По мнѣнію г. N. N., дѣло агитатора заключается въ указаніи путей и средствъ человѣку, уже знающему, что ему нужно. Допустимъ, что это вѣрно. Но спра-

шивается, что-же нужно русскому рабочему? Улучшеніе его экономическаго положенія. Извѣстно-ли ему это? Извѣстно. А что неизвѣстно ему? Ему неизвѣстно, что завоеваніе политическихъ правъ является однимъ изъ важнѣйшихъ путей и средствъ борьбы за экономическіе интересы всякаго даннаго класса. Значить агитаторъ долженъ объяснить ему это, а не ждать, пока это будетъ понято рабочимъ „самопроизвольно“. Господинъ N. N. доказываетъ какъ разъ то положеніе, которое ему хотѣлось опровергнуть.

Впрочемъ, г. N. N. и вполнѣ согласный съ нимъ г. Г., — одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“, — допускаютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи рабочему можно и должно указывать на необходимость завоеванія имъ *нѣкоторыхъ политическихъ правъ*. Они не желаютъ только, чтобы агитаторы толковали о *борьбѣ съ самодержавіемъ*. Но, во-первыхъ, этимъ признаніемъ они сами совершенно стираютъ ту демаркационную линію, которую они проводятъ между агитаціей и пропагандой, а во-вторыхъ — можно-ли говорить о завоеваніи политическихъ правъ, не касаясь вопроса о нашемъ нынѣшнемъ политическомъ порядкѣ? Кажется, что нѣтъ; кажется, что это совершенно невозможно. А если невозможно, то агитаторъ не долженъ откладывать въ долгій ящикъ свои нападки на самодержавіе и не можетъ ждать пока рабочіе „самопроизвольно“ вступятъ въ борьбу съ царизмомъ.

По историческимъ причинамъ, разсмотрѣніе которыхъ совершенно выходитъ изъ рамокъ этого предисловія, трудящееся населеніе Россіи привыкло воображать царя чѣмъ-то въ родѣ народнаго трибуна. Оно думаетъ, что царь защищаетъ его интересы отъ пося-

гательствъ со стороны высшихъ сословій. Вслѣдствіе этого глубоко вкоренившагося предразсудка крестьянская и даже рабочая масса склонна относиться съ недоверіемъ къ людямъ, возстающимъ противъ царя. По этому — и только поэтому — мы вынуждены осторожно подходить къ вопросу о царизмѣ. Намъ приходится употреблять здѣсь особые приемы. Наиболее удачнымъ изъ нихъ всегда оказывался и всегда будетъ оказываться способъ, который я называлъ бы сократовскимъ. Сократъ былъ „акушеромъ мысли“. Онъ не самъ высказывалъ известную мысль, а заставлялъ своихъ собеседниковъ формулировать ее, какъ неизбежный выводъ изъ ихъ собственныхъ посылокъ. Его убѣжденіе постепенно и незамѣтно сообщалось его слушателямъ. Такъ же должны поступать и мы. Этотъ приемъ поддается намъ какъ историческими предразсудками нашего народа, такъ и полнымъ отсутствіемъ у насъ свободы слова. Но, во-первыхъ, держаться его приходится не только агитатору, но и пропагандисту, а во-вторыхъ держаться сократовскаго метода въ политической агитаціи не значитъ отказываться отъ этой агитаціи подобно г. N. N., автору брошюры противъ группы „Освобожденіе Труда“, и г. Г., одному изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“*).

Г. N. N. и вполнѣ согласный съ нимъ г. Г., — одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“, — обвиняютъ группу „Осв. Тр.“ въ томъ, что она зоветъ рабочихъ

*) Указанный методъ практиковался еще бунтарями народниками 70-хъ годовъ. См. въ моей брошюрѣ: „Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи“, рассказъ о томъ, какъ они разрушали въру рабочихъ въ царя во время стачекъ на Обводномъ Каналѣ.

прямо чуть не на баррикады, что она, какъ выражается г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“, хочетъ взять самодержавіе „на уру“. Это вздорное обвиненіе. Чтобы опровергнуть его, мнѣ достаточно указать на наши изданія. Но такъ какъ нѣкоторые „молодые товарищи“, повидимому, не хотятъ взять на себя трудъ ознакомиться съ этими изданіями, то я приведу здѣсь слѣдующее мѣсто изъ моей брошюры. „О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“ (Женева 1892).

„Дѣло агитатора заключается въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ пустить въ обращеніе максимумъ революціонныхъ идей, доступныхъ для массы. За всякую ошибку въ ту или другую сторону агитатора ждетъ жестокое наказаніе. Если онъ преувеличилъ революціонное настроеніе массы, онъ въ лучшемъ случаѣ останется непонятымъ, а можетъ быть его осмѣютъ, даже изобьютъ. Если же, наоборотъ, онъ, по излишней осторожности, выставитъ передъ массой такія требованія, которыя она уже переросла въ своемъ быстромъ революціонномъ развитіи, онъ попадетъ въ нелѣпное положеніе агитатора-тормазы, агитатора, внушающаго толпѣ „умѣренность и аккуратность“. Въ умѣнны избѣжать подобныхъ крайностей заключается вся ловкость агитатора“.

Какъ видитъ читатель, я не принадлежу къ числу людей, одобряющихъ и рекомендующихъ агитацію по неждановскому методу („впередъ! умремъ за свободу!“ и т. д.). Но ни я, ни Аксельродъ и никто изъ моихъ ближайшихъ друзей и товарищей никогда не могли понять пристрастія „экономическихъ товарищей“ къ агитаціи, заботливо очищенной отъ всякой политической примеси. Не могли мы понять и того противопоставленія агитаціи пропагандѣ, которое такъ любятъ г. N. N. и вполнѣ согласный съ нимъ г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“

Я всегда думалъ, что разница между пропагандой и агитаціей заключается въ томъ, что

„пропагандистъ даетъ много идей одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ, а агитаторъ даетъ только одну или только нѣсколько идей, но за то даетъ ихъ цѣлой массѣ лицъ, иногда чуть не цѣлому населенію данной мѣстности“^{*)}.

Какъ ни велика эта разница, она нисколько не мѣшаетъ нашимъ агитаторамъ *теперь же* распространять въ массѣ *политическія идеи*.

Что агитація должна опираться на ближайшія экономическія нужды рабочаго класса, это справедливо, но совсѣмъ не ново. Это извѣстно было еще бунтарямъ-народникамъ. Брошюра „Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи“ написана была мною съ цѣлю *напомнить* молодымъ русскимъ социальдемократамъ о приемахъ агитаціи на экономической почвѣ, выработанныхъ практикой народническаго періода нашего движенія. Мы возстаемъ не противъ *агитаціи* на экономической почвѣ, а *противъ тѣхъ агитаторовъ, которые не умѣютъ воспользоваться экономическими толкованіями рабочихъ съ предпринимателями для развитія политическаго сознанія производителей*.

Аксельродъ сказалъ въ своей брошюрѣ „О задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ“, что программа группы „О. Т.“ явилась отвѣтомъ на вопросъ, *откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ, и какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на успѣхъ*. По этому поводу г. Н. Н., вполне согласный съ г. Г., однимъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“,

инсинуируетъ, что центръ тяжести нашей программы лежитъ внѣ интересовъ рабочаго класса. Эта инсинуація имѣла нѣкоторый успѣхъ между людьми не сильными въ дѣлѣ мышленія и мало знакомыми съ нашей социалистической литературой. До сихъ поръ нерѣдко встрѣчаются простячки, утверждающіе со словъ г. Н. Н. и вполне согласнаго съ нимъ г. Г., одного изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“, что мы смотрѣли на пролетаріатъ какъ на орудіе для достиженія революціонной интеллигенціей *своихъ собственныхъ, чуждыхъ рабочимъ, цѣлей*. Это вынуждаетъ меня къ нѣкоторому объясненію.

Аксельродъ правъ. Когда мы писали свою программу, мы хотѣли указать нашимъ революціонерамъ, только что пережившимъ рѣшительныя пораженія, тотъ путь, который одинъ только и можетъ привести ихъ къ побѣдѣ. Мы остались вѣрны славнымъ традиціямъ нашего революціоннаго движенія. Мы гордимся этимъ и всегда будемъ гордиться, какъ бы ни раздражало это ограниченныхъ педантовъ и политическихъ кастратовъ, софистицированныхъ марксистомъ.

Мы указывали нашимъ революціонерамъ на рабочий классъ, какъ на единственную силу, способную повать царизмъ.

„Русское революціонное движеніе восторжествуетъ какъ *движеніе рабочихъ, или совсѣмъ не восторжествуетъ*“.

сказалъ я на парижемъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ 1889 года. Мы всегда старались отъѣнить революціонную миссію пролетаріата въ Россіи. Мы гордимся этимъ и всегда будемъ гордиться, какъ бы ни упрекали насъ за это политическіе кастраты и ограниченные педанты.

*) О Задачахъ Соціалистовъ и т. д. стр. 58.

Но въ нашихъ глазахъ рабочій никогда не былъ простымъ орудіемъ достиженія чуждыхъ ему цѣлей. Это клевета, выдуманная въ расчетъ на то, что всегда найдутся невѣжественные и неразвитые люди, способные ей повѣрить. Наша программа написана *въ духъ Маркса*. А программа, написанная въ духъ этого чело­вѣка не можетъ быть программой политическихъ эк­сплуататоровъ.

Первымъ изданіемъ нашей группы была моя брошюра „Соціализмъ и политическая борьба“, въ которой я, опровергая народническіе предрасудки противъ „политики“, доказываю въ то же время, что политическая борьба русскихъ революціонеровъ должна быть классовой борьбой пролетаріата. Со времени выхода этой брошюры ни одинъ изъ членовъ нашей группы не написалъ, можно сказать, ни одной статейки, гдѣ прямо или косвенно не проводилась бы та же самая мысль. Въ „Нашихъ Разногласіяхъ“ я беру быка за рога и прямо спрашиваю, — что для чего „важно“: *рабочіе для революціи, или революція для рабочихъ?**) Нужно-ли напоминать, въ какомъ смыслѣ я отвѣчалъ на этотъ вопросъ? Я доказывалъ, что рабочій „долженъ самъ одѣлать свою революцію“^(**)). Такъ-ли говорятъ люди, смотрящіе на рабочихъ, какъ на пушечное мясо? И то-ли говорятъ эти люди?

„Критическіе“ приемы г. Н. Н. лучше всего характеризуются слѣдующей его продѣлкой. Въ 4-ой книжкѣ нашего „Соціалдемократа“ напечатана статья П. Аксельрода: „Политическая роль соціальной демократіи и

последніе выборы въ германскій рейхстагъ“. Опровергая разные упреки, которые сыпались на нашихъ нѣмецкихъ товарищей, П. Аксельродъ касается также упрека въ томъ, что они старательно и сознательно избѣгаютъ теперь открытыхъ столкновеній съ правительствомъ. Этотъ упрекъ всегда производилъ очень сильное впечатлѣніе на русскую революціонную „интеллигенцію“. Поэтому П. Аксельродъ счелъ нужнымъ напомнить своему читателю, что политическій строй Германіи, *сознательно поддерживаемый* огромной частью населенія, гораздо устойчивѣе *русскаго* политическаго режима, опирающагося главнымъ образомъ на политическую пассивность русскаго народа, и что, поэтому, тактика полезная и необходимая въ Россіи, оказалась бы неумѣстной и вредной въ Германіи. Г. Н. Н. выхватываетъ *одну фразу изъ одного примѣчанія въ статьѣ* П. Аксельрода и, на основаніи ея, доказываетъ, что П. Аксельродъ хочетъ повалить русскій царизмъ съ помощью военнаго нападенія. Чтобы отгнѣнить свою „трезвенность“, г. Н. Н. утверждаетъ, — будто бы вопреки Аксельроду, — что

„рабочее движеніе есть движеніе массовое, не укладывающееся въ рамки комплота или заговора“ (см. ниже, Документы, стр. 53, примѣчаніе).

Господинъ Н. Н., разумѣется, не могъ серьезно думать, что это неизвѣстно группѣ „Освобожденіе Труда“. Но онъ разсчитывалъ на простачковъ. И его расчетъ оправдался. Простачки въ самомъ дѣлѣ повѣрили тому, что г. Н. Н. говоритъ „новое слово“. Къ числу ихъ принадлежалъ и г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“

Между тѣмъ какъ „экономическіе“ товарищи обви-

*) Наши Разногласія, Женева 1885, стр. 251.

**) Ibid. стр. 252.

няли нашу группу въ подобныхъ „несодѣяностяхъ“, мы боролись съ г. N. N. и его единомышленниками между прочимъ и потому, что видѣли въ нихъ людей, которые рано или поздно придутъ — если только не откажутся отъ своихъ „экономическихъ“ посылкохъ — ко взгляду на рабочаго, какъ на простое орудіе для достиженія цѣлей либеральной буржуазіи. Наше предвидѣніе оправдалось ранѣе, чѣмъ мы могли этого ожидать.

Авторы „credo“ рекомендуютъ рабочему классу одну только *экономическую* борьбу, говоря, что борьба *политическая* невозможна для него при русскихъ условіяхъ, и что

„разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву“*).

Въ то же время и тѣ же самые господа рекомендуютъ русскимъ марксистамъ участіе въ

„радикально или либерально оппозиціонной дѣятельности всѣхъ другихъ, не рабочихъ слоевъ общества“**).

При *отсутствіи самостоятельной политической рабочей партіи* такое „участіе“ по необходимости превратилось бы въ простое сліяніе съ радикальной или либеральной буржуазіей.

Радикальные и либеральные буржуа западной Европы давно уже твердятъ о томъ, что рабочимъ нѣтъ никакой надобности спланиваться въ особую политическую партію: это первый членъ символа вѣры препода-

носимаго рабочимъ радикальной и либеральной буржуазіей. Но стремленіе навязать рабочимъ этотъ символъ вѣры означаетъ лишь *желаніе буржуазіи эксплуатировать рабочихъ въ политикѣ*. Такимъ образомъ появленіе „credo“ есть не болѣе, какъ попытка „переноса на нашу почву“ той проповѣди, съ помощью которой радикальная и либеральная буржуазія Запада стремилась сдѣлать изъ рабочихъ послушное ей политическое орудіе. А вѣдь авторы „credo“ не говорятъ ничего новаго по существу. Они только развиваютъ и доводятъ до ихъ крайнихъ послѣдствій тѣ мысли, которыя защищали г. N. N. въ брошюрѣ, направленной противъ группы „О. Т.“ и г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С. Д.“, въ своихъ письмахъ.

Къ чести г. Г. надо замѣтить, однако, что онъ иногда плохо понималъ своего учителя, г. N. N. Поэтому онъ иногда ему противорѣчилъ, самъ того не замѣчая. Вотъ, напримѣръ, по мнѣнію г. N. N. „революціонная бацилла“ не должна, въ своей агитаціи, касаться политическихъ вопросовъ до тѣхъ поръ, пока эти вопросы не возникнутъ у рабочихъ „самопроизвольно“. Господинъ Г. разсуждаетъ не такъ, хотя и думаетъ при этомъ, что онъ „воплотилъ согласіе“ съ г. N. N. Въ одномъ изъ своихъ писемъ г. Г. говоритъ, что мы должны пробуждать сознаніе массы, организуя ее и выдвигая самые близкіе ей вопросы*). Это было бы совсѣмъ разумно, если бы это не стояло на той же самой страницѣ, на которой мы читаемъ, что нелѣпо толковать въ Россіи объ уничтоженіи капитализма и о социализмѣ. Очевидно, г. Г. не понимаетъ, что социа-

*) См. ниже документы, стр. 4—5.

**) Тамъ же, стр. 5.

*) Документы, стр. 32.

листь не может будить сознание рабочего класса, не затрагивая, прямо или косвенно, вопроса об уничтожении капитализма и о политической самодеятельности рабочего класса. Господинъ г. сознаетъ, что мы, социалдемократы, должны, при воздѣйствіи на массу, поступать осторожно и систематично. Но это сознание остается у него очень смутнымъ и потому приводитъ его къ нелѣпнымъ выводамъ. У него оказывается, что социалдемократъ, желающій поступать систематично и осторожно, долженъ превратиться въ буржуа, чуждаго всякой мысли объ устраненіи капитализма. Это очень печальный выводъ*).

Но довольно объ этомъ. Печатаемые нами документы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ 1898 году въ средѣ „молодыхъ“ членовъ „Союза русскихъ социалдемократовъ“, господствовало „экономическое“ направленіе**). Редакція „Рабочаго Дѣла“ говоритъ, что она „не знаетъ“ объ этомъ. Одно изъ двухъ: она говоритъ—или правду, или неправду. Если

*) Мимоходное замѣчаніе. Читатель увидитъ, что письма г. Г. написаны чрезвычайно неправильнымъ языкомъ: въ его предложеніяхъ часто не достаетъ самыхъ существенныхъ частей рѣчи. Мы не считали себя въ правѣ улучшать слогъ г. Г. Поэтому пусть читатель не относитъ на счетъ корректора то, въ чемъ виновать авторъ.

**) Употребляя это выраженіе, я очень хорошо понимаю всю его неправильность. Критикуемое мною направленіе можетъ быть названо экономическимъ развѣ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ объ „экономическихъ путешествіяхъ“ (voyages économiques) и объ „экономической кухнѣ“ (cuisine économique). Эпитетъ—экономическій равнозначущъ здѣсь съ эпитетомъ дешевый, не дорого стоящій. Но въ политической печати не всегда можно требовать точной терминологіи: въ ней всегда приходится дѣлать уступки обыденному жаргону.

она говоритъ правду, то чего можно ожидать отъ редакціи, такъ плохо знающей положеніе дѣлъ въ своей собственной партіи? А если она говоритъ неправду, то это совсѣмъ уже плохой знакъ, показывающій, что она поставила себя цѣлью скрывать отъ своихъ читателей истинное положеніе дѣлъ и увѣрять ихъ въ томъ, что „все обстоитъ благополучно“. Если-бы такую задачу поставилъ себѣ органъ какого нибудь русскаго министерства, то мы совсѣмъ не удивились бы этому: правда, возвѣщаемая нашими казенными органами, есть совсѣмъ особенная, „официальная правда“. Но зачѣмъ понадобилась такая „правда“ органу, именуемому себѣ „Рабочимъ Дѣломъ“?

Возвращаясь къ положенію дѣлъ въ 1898 г. „Экономическое“ направленіе свирѣпствовало среди „молодыхъ“, какъ зараза. Каррикатуры, рисуемыя на марксистовъ г. г. Михайловскимъ, Карьевымъ, Кривенкомъ и другими, облекались плотью и фигурировали передъ нами въ роли глашатаевъ „последняго слова русской социалдемократической тактики“. Всѣ сношенія съ Россіей вела тогда та ...ская группа, о которой говорится въ первомъ изъ напечатанныхъ въ нашемъ сборникѣ писемъ, и которая цѣликомъ состояла изъ „экономистовъ“. Она увѣряла насъ, что товарищи, дѣйствующие въ Россіи, вполне раздѣляютъ ея образъ мыслей. Этому противорѣчилъ манифестъ Россійской партіи. Но невѣроятно тяжелыя условія дѣятельности въ Россіи ведутъ за собою чрезвычайно частую смѣну дѣятелей. Чтобы уяснить себѣ, какое направленіе тамъ преобладаетъ и чего хотятъ отъ нашихъ изданій наши товарищи въ Россіи, мы послали въ Петербургъ изложеніе нашихъ споровъ съ „молодыми“. Намъ отвѣтили лако-

ническимъ совѣтомъ дать нѣкоторый просторъ новымъ силамъ*). Тогда мы попробовали вести дѣло изданій „Листка Работника“ совмѣстно съ нѣкоторыми представителями „экономическаго“ направленія. Какъ и слѣдовало ожидать, эта попытка кончилась полнѣйшей неудачей. Что было дѣлать? Оставалось совсѣмъ выйти изъ редакціи. Такъ мы и поступили въ ноябрѣ 1898 года.

Совѣтъ — „дать нѣкоторый просторъ молодымъ силамъ“, полученный нами изъ Петербурга, показываетъ, что наши товарищи въ Россіи не имѣли правильнаго понятія о нашемъ отношеніи къ „молодомъ“ заграничнымъ товарищамъ. Эти послѣдніе не переставали жаловаться на то, что мы мѣшаемъ имъ работать совершенно неосновательно. Какимъ образомъ могли бы мы стѣснять дѣятельность молодыхъ товарищей? Только однимъ путемъ: путемъ устраненія ихъ отъ редактированія заграничныхъ социалдемократическихъ изданій. Но мы не только не хотѣли устранять ихъ отъ этого, а напротивъ, не разъ и давно уже выражали имъ свое намѣреніе отказаться отъ редактированія „Работника“. Это доказывается слѣдующими строками:

„Относительно редакціи ...скіе товарищи высказались категорически противъ всякихъ перемѣнъ, такъ какъ не могутъ представить себѣ, кто бы могъ въ настоящее время замѣнить членовъ группы „Освобожденіе Труда“... Можно было бы расширить кругъ Вашихъ помощниковъ, которые подъ Вашимъ руководствомъ могли бы избавлять Васъ отъ массы черновой работы и

*) Впослѣдствіи, уже послѣ нашего выхода изъ редакціи, петербургскіе товарищи сообщили намъ, что *интеллигентны* они согласны проповѣдывать политическую борьбу, *рабочимъ* же будутъ говорить лишь о прибавкѣ „*копѣйки на рубль*“.

въ то же время ближе присматриваться къ самому дѣлу, но и только. Руководство все же должно оставаться Ваше, пока у Васъ будетъ хватать силъ на всю эту изнуряющую и утомительную работу“.

Эти строки взяты мною изъ письма г. М. М., которому П. Аксельродъ предлагалъ отъ имени группы „О. Т.“ списаться съ русскими товарищами относительно назначенія новой редакціи для „Листка Работника“).

Къ числу товарищей, категорически высказавшихся противъ всякихъ перемѣнъ въ этой области, принадлежалъ г. N. N., впослѣдствіи авторъ брошюры противъ группы „О. Т.“ и г. Г., „вполнѣ“ съ нимъ „согласный“. Г. N. N. до такой степени не желалъ никакихъ перемѣнъ въ редакціи, что нашелъ нужнымъ съ своей стороны написать П. Аксельроду:

„Мы рѣшительно высказываемся противъ перемѣны редакціи ни двумя причинами. Во-первыхъ, среди молодыхъ товарищей нѣтъ ни одного бѣтнаго литератора, ни одного человѣка съ литературнымъ именемъ. Мы думаемъ, что ни одинъ уважающій себя человѣкъ не согласится стать редакторомъ на томъ основаніи, что ему пришлось на его вѣку написать 1—2 статьи. Во-вторыхъ, среди молодыхъ товарищей нѣтъ ни одного, достаточно знакомаго съ Россіей. Молодо-зелено“...

Группа „Осв. Тр.“ взяла назадъ свое предложеніе о выборѣ новой редакціи *единственно съ виду этихъ настояній ...ской группы*. Это было извѣстно г. Г. и другимъ „молодымъ“ товарищамъ. *Теперь эти самые товарищи утверждаютъ, что ихъ распря съ группой „О. Т.“ вызвана была не программными разногласіями, а тѣмъ, что эта*

*) Письмо помѣчено: ... 7. 98. По содержанію его видно, что оно написано въ февралѣ или въ мартѣ 1898 года. Госп. М. М. — авторъ перваго изъ писемъ, напечатанныхъ въ нашемъ сборникѣ.

группа не соглашалась ни на какихъ перемѣны въ редакціи. Такова илъ „официальная правда“*.)

Отказавшись отъ исполненія редакторскихъ обязанностей, мы вскорѣ съ удивленіемъ увидѣли странное зрѣлище и слышали странныя рѣчи. Тѣ самые люди, которые говорили о „новой“ тактикѣ и о *несвоевременности политической агитаціи*, стали выдавать себя за убѣжденныхъ сторонниковъ „политики“, а г. Г. пустился убѣждать не только чуждыхъ дѣлу людей, но и насъ самихъ, что никакихъ разногласій съ нами у него никогда не было. Я надѣюсь, что нашъ сборникъ дастъ живительный толчокъ его памяти.

Созерцая эту внезапную метаморфозу, мы могли объяснить ее себѣ только тѣмъ, что „молодые товарищи“ сами увидѣли, какихъ пустяковъ наговорили они въ 1898 году, проповѣдуя свое „новое слово“, и устыдились своихъ пустыхъ рѣчей. Намъ невольно вспоминались слова дѣдушки Крылова:

О дѣти, какъ опасны ваши дѣла!
Мышенокъ, не выдавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду.

Но если бѣда и миновала нашего мышенка; если „молодые товарищи“ сознали свои заблужденія и не пошли за своимъ учителемъ N. N., который — логически продолжая свое развитіе, — пришелъ къ воззрѣніямъ, какъ двѣ капли воды похожимъ на „сredo“, то ихъ, надѣюсь, чистосердечное раскаяніе далеко еще не устранило путаницы понятій и отношеній, причи-

*) Письма, цитируемые здѣсь мною, находятся у П. Аксельрода и, въ случаѣ надобности, могутъ быть воспроизведены цѣлкомъ.

ненной ихъ ребяческимъ фрондерствомъ*). Теперь у насъ есть троякаго рода изданія:

1) Изданія группы „Освобожденіе Труда“, продолжающей твердо держатся своего прежняго направленія.

2) Изданія редакціи „Рабочаго Дѣла“, которая, — какъ это видно изъ ея программной статьи, напечатанной въ первомъ номерѣ ея журнала, и изъ нѣкоторыхъ другихъ ея заявленій — склоняется къ *электризму*. тщетно стараясь примирить Карла Маркса съ г. В. И — мѣ, однимъ изъ соредакторовъ. *Не далье, какъ въ ноябрѣ 1899 года г. В. — И* нѣ читалъ въ Женевѣ рефератъ, въ которомъ онъ говорилъ о существованіи въ нашей партіи двухъ направленій и о томъ, что самъ онъ, г. В. И — нѣ, принадлежитъ къ экономическому направленію. А редакція „Рабочаго Дѣла“, къ которой принадлежитъ г. В. И — нѣ, ничего „не знаетъ“. Поди пойми эту „*хитрую механику*“!

3) Изданія „Рабочей Мысли“, гдѣ уже нѣтъ рѣчи ни о какомъ примиреніи, и гдѣ, напротивъ, экономическое направленіе г. Г. и его *единомышленниковъ* расцвѣло во всей своей красть и славу**). И все это — „*товарищи*“! И все это — *соціалдемократы*! Это-ли не анархія? Это-ли не хаосъ? Это-ли не позоръ?

Теперь самъ г. Г. отрывается отъ „экономическаго“

*) При томъ же раскаяніе должно сопровождаться открытымъ признаніемъ своихъ ошибокъ, а наши нѣкогда „экономическіе“ товарищи совѣтъ не склонны къ такому признанію. Нельзя не пожалѣть объ этомъ.

**) „Рабочее Дѣло“ полемизируетъ съ „Рабочей Мыслью“. Но это не мѣшаетъ ему испытывать на себѣ ея вліяніе. Такъ, примѣръ, главная мысль статьи г. Кричевскаго о Чернышевскомъ (№ 4 „Рабочаго Дѣла“) очевидно заимствована изъ статьи о томъ же писателѣ, напечатанной въ „Рабочей Мысли“.

направленія, подобно тому, какъ Петръ отрекся отъ Иисуса. Нѣкоторые пожалуй даже похвалятъ его за это. Но я спрашиваю, много-ли дѣльнаго могутъ сказать о „политикѣ“ г. Г. и его единомышленники, еще такъ недавно утверждавшіе, что

„утопично и ребячество ставить въ нашу программу обобществленіе орудій труда“?

И я боюсь, что проповѣдь ими *политической* борьбы приведетъ къ точно такой же путаницѣ понятій, къ какой привела уже проповѣдь ими борьбы на *экономической* почвѣ. Дѣло не въ томъ, за какое именно направленіе стоитъ г. Г., а въ томъ, что у насъ есть много людей, называющихъ себя социальдемократами и не усвоившихъ себѣ *даже азбуки современнаго социализма*. Этимъ и объясняется господствующая у насъ теперь „неразбериха“, благодаря которой скоро можно будетъ съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ встрѣтятся два русскихъ социальдемократа, навѣрное окажется три социальдемократическихъ партій. Признаюсь, я никогда не думалъ, что мнѣ суждено пережить такой стыдъ!

Намъ надо выйти изъ этого хаотическаго и позорнаго положенія во что бы то ни стало. Горе партій, терпѣливо переносившей подобную путаницу!

Чтобы выйти изъ того или другого неприятнаго положенія, надо прежде всего *внимательно изучить его причины*. Я надѣюсь, что предлагаемый сборникъ будетъ очень полезенъ всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ изучить наше положеніе. Но, какъ уже замѣчено, я счелъ справедливымъ посвятить его редакціи „Рабочаго Дѣла“, такъ какъ именно она побудила насъ къ его опубликованію.

ПРОТЕСТЪ.

Собраніе социальдемократовъ одной мѣстности, въ числѣ 17 человекъ, приняло единогласно слѣдующую резолюцію и постановило опубликовать ее и передать на обсужденіе всѣмъ товарищамъ:

Въ послѣднее время среди русскихъ социальдемократовъ замѣчаются отступленія отъ тѣхъ основныхъ принциповъ русской социальдемократіи, которые были провозглашены какъ ея основателями и передовыми борцами, — членами группы Освобожденія Труда, такъ и социальдемократическими изданіями русскихъ рабочихъ организацій 90-хъ годовъ. Нижеприводимое „credo“, долженствующее выражать основные взгляды нѣкоторыхъ (такъ называемыхъ „молодыхъ“) русскихъ социальдемократовъ, представляетъ изъ себя попытку систематическаго и опредѣленнаго изложенія „новыхъ“ воззрѣній. Вотъ это „credo“ въ полномъ видѣ:

Существованіе цеховаго и мануфактурнаго періода на западѣ положило рѣзкій слѣдъ на всю слѣдующую исторію, въ осо-

беспности на исторію социалдемократіи. Необходимость для буржуазии завоевать свободныя формы, стремленіе освободиться от сковывающихъ производство цеховыхъ регламентацій сдѣлали буржуазію революціоннымъ элементомъ; она повсюду на западѣ начинается съ *liberté, égalité, fraternité*, съ завоеванія свободныхъ политическихъ формъ. Но этимъ завоеваніемъ она, по выраженію Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на западѣ рабочий классъ, не завоевывалъ демократическихъ учреждений: онъ ими пользовался. Намъ могутъ вразсказать, что онъ участвовалъ въ революціяхъ. Историческія справки опровергаютъ это мнѣніе, такъ именно въ 1848 г. когда произошло на западѣ упроченіе конституцій, рабочий классъ представлялъ изъ себя ремесленно городской элементъ, мѣщанскую демократію, фабричный же пролетаріатъ почти не существовалъ, а пролетаріатъ крупнаго производства (ткачи Германіи—Гаупттанъ—ткачи Ліона) представлялъ изъ себя дикую массу, способную лишь къ бунтамъ, но отнюдь не къ выставленію какихъ-либо политическихъ требованій. Можно прямо сказать, что конституціи 1848 г. были завоеваны буржуазіей и мелкимъ мѣщанствомъ, артизанами. Съ другой стороны, рабочий классъ (артизаны и рабочіе мануфактуръ, типографіи, ткачи, часовыхъ дѣлъ мастера и проч.) съ среднихъ вѣковъ еще привыкъ участвовать въ организаціяхъ — въ кассахъ взаимопомощи, религиозныхъ обществахъ и пр. Этотъ организационный духъ до сихъ поръ еще живетъ у обученныхъ рабочихъ запада и рѣзко отличается ихъ отъ фабричнаго пролетаріата, плохо и медленно поддающагося организаціи и способнаго лишь къ такъ называемому *lose organisation*, а не къ прочнымъ организаціямъ съ уставами и регламентами. Эти же мануфактурно обученные рабочіе составили ядро социалдемократическихъ партій. Такимъ образомъ получилась слѣдующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы съ одной стороны, съ другой — возможность планомѣрной организаціи этой борьбы съ помощью воспитанныхъ мануфактурнымъ періодомъ рабочихъ. На этой почвѣ выросъ на западѣ теоретическій и практическій марксизмъ. Исходной его точкой явилась парламентская политическая борьба съ перспективой (только по вышности сходной съ бланкизмомъ, по происхожденію совершенно другого характера) захвата власти, съ одной стороны, *Zusammenbruch*'а — съ другой. Марксизмъ явился теоретическимъ выраженіемъ господствующей

практики: политической борьбы, преобладающей надъ экономической. И въ Бельгіи, и во Франціи, особенно въ Германіи рабочіе съ неистощимой легкостью организовали политическую борьбу и съ страшнымъ трудомъ, съ огромнымъ треніемъ — экономическую. И до сихъ поръ экономическія организаціи по сравненію съ политическими (не касаясь Англіи) страдаютъ необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду *laissent à désirer quelque chose*. Пока энергія въ политической борьбѣ не была вся исчерпана, — *Zusammenbruch* являлся необходимымъ организующимъ *Schlagwort*'омъ, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной законъ, который можно вывести при изученіи рабочаго движенія — линія наименьшаго сопротивленія. На западѣ такой линіей являлась политическая дѣятельность и марксизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ формулированъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, являлся какъ нельзя болѣе удачной формой, въ которую должно было вылиться движеніе. Но когда въ политическую дѣятельность была исчерпана вся энергія, когда политическое движеніе дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный ростъ голосовъ за послѣднее время, апатія публики на собраніяхъ, унылый тонъ литературы), съ другой стороны безсиліе парламентской дѣятельности и выступленіе на арену черной массы — неорганизованнаго и почти не поддающагося организаціи фабричнаго пролетаріата — создали на западѣ то, что носитъ теперь названіе бернштейнизма, кризиса марксизма. Болѣе логическаго хода вещей, чѣмъ періодъ развитія рабочаго движенія отъ Коммунистическаго Манифеста до бернштейнизма трудно себѣ представить, и внимательное наблюденіе всего этого процесса можетъ съ точностью астронома опредѣлить исходъ этого „кризиса“. Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о пораженіи или побѣдѣ бернштейнизма — это мало интересно, рѣчь идетъ о коренномъ измѣненіи практической дѣятельности, которое уже давно понемногу совершается въ нѣдрахъ партій. Измѣненіе это произойдетъ не только въ сторону болѣе энергичнаго веденія экономической борьбы, упроченія экономическихъ организацій, но главное, и это самое существенное, въ сторону измѣненія отношеній партій къ остальнымъ оппозиционнымъ партіямъ. Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный (пользующійся слишкомъ схематичнымъ представленіемъ классового дѣленія общества) уступить мѣсто марксизму

демократическому, и общественное положеніе партій въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія признаетъ общество, ея узко-корпоративныя, въ большинствѣ случаевъ, сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ и ея стремленіе къ захвату власти преобразуется въ стремленіе къ измѣненію, къ реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи приспособительно къ современному положенію вещей съ цѣлью наиболее удачной, наиболее полной защиты правъ (всяческихъ) трудящихся классовъ. Содержаніе понятія „политика“ расширится до истинно общественнаго значенія, и практическія требованія минуты получать больше вѣса, могутъ рассчитывать на большее вниманіе партій, чѣмъ это было до сихъ поръ. Не трудно изъ этого краткаго описанія хода развитія рабочаго движенія на западѣ сдѣлать выводъ для Россіи. Линія наименьшаго сопротивленія у насъ никогда не будетъ направлена въ сторону политической дѣятельности. Невозможный политическій гнетъ заставить много говорить о немъ, именно на этомъ вопросѣ сосредоточивать вниманіе, но никогда не заставитъ онъ практически дѣйствовать. Если на западѣ слабыя силы рабочихъ, будучи вовлечены въ политическую дѣятельность, окрѣпли на ней и сформировались, у насъ — слабыя силы эти, наоборотъ, стоятъ передъ стѣной политическаго гнета и не только не имѣютъ практическихъ путей для борьбы съ нимъ, а, следовательно, и для своего развитія, но даже систематически думаются ими и не могутъ пускать даже слабыхъ ростковъ. Если прибавить къ этому, что рабочій классъ нашъ не получилъ въ послѣдствіе того организаціоннаго духа, какимъ отличались борцы запада — то картина получится удручающая и способная повергнуть въ уныніе самого оптимистическаго марксиста, вѣщающаго въ то, что лишняя фабричная труба, уже однимъ фактомъ своего существованія, несетъ великое благополучіе. Трудна, безконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она наконецъ практикуется самими массами. Приучаясь въ этой борьбѣ къ организаціи и поминутно наталкиваясь въ ней на политическій режимъ, русскій рабочій создастъ наконецъ то, что можно назвать формой рабочаго движенія, создастъ ту или тѣ организаціи, которыя наиболее подходятъ къ условіямъ русской дѣятельности. Въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что русское рабочее движеніе находится еще въ амебовидномъ состояніи и никакой формы не создало. Стачное движеніе, существуя при всякой

формѣ организаціи, не можетъ еще быть названо кристаллизованной формой русскаго движенія, а нелегальныя организаціи уже часто съ количественной точки зрѣнія не заслуживаютъ вниманія (не говорю о ихъ полезности при настоящихъ условіяхъ). Вотъ положеніе. Если прибавить сюда еще голодухи и процессы разоренія деревни, способствующій Streikbrecherству и, следовательно, еще большую трудность подъема рабочихъ массъ на болѣе сносный культурный уровень, то... Что же тутъ дѣлать русскому марксисту? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву. Русскій марксизмъ пока печальное зрѣлище. Его практическія задачи въ настоящемъ мизерны, его теоретическія познания, поскольку онъ пользуется ими не какъ орудіемъ изслѣдованія, а какъ схемой дѣятельности — не имѣютъ цѣны для выполненія даже этихъ мизерныхъ практическихъ задачъ. Кромѣ того эти схемы, взятая съ чужого плеча, въ смыслѣ практики являются вредными. Забывъ, что на западѣ рабочій классъ выступилъ уже на расчищенное политическое поле дѣятельности, наши марксисты болѣе, чѣмъ это нужно, относятся съ презрѣніемъ къ радикально или либерально оппозиціонной дѣятельности всѣхъ другихъ не рабочихъ слоевъ общества. Малѣйшая попытка сосредоточить вниманіе на общественныхъ проявленіяхъ либерально политическаго свойства вызываетъ протестъ ортодоксальныхъ марксистовъ, забывающихъ, что цѣлый рядъ историческихъ условій мѣшаетъ намъ быть марксистами запада и требуетъ отъ насъ много марксизма, умѣстнаго и нужнаго въ русскихъ условіяхъ. Отечественіе у каждаго русскаго гражданина политическаго чувства и чутія не можетъ, очевидно, быть искуплено разговорами о политикѣ или воззваніями къ несуществующей силѣ. Это политическое чутіе можетъ быть дано лишь воспитаніемъ, т. е. участіемъ въ той жизни, какъ бы она не была немарксистична, которую предлагаетъ русская дѣятельность. На сколько „отрицаніе“ было умѣстно (временно) на западѣ, на столько у насъ оно вредно, потому что отрицаніе, исходящее отъ чего-то организованнаго и имѣющаго фактическую силу — одно, а отрицаніе, исходящее изъ безформенной массы разрозненныхъ личностей — другое. Для русскаго марксиста исходъ одинъ: участіе т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально оппозиціонной дѣятельности. Какъ „отрицатель“ русскій марксистъ пришелъ очень рано, а это от-

рицаніе ослабило въ немъ ту долю энергіи, которая должна направляться въ сторону политическаго радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помѣшаетъ дѣятельному участию русскаго интеллигента въ жизни и отодвинетъ его слишкомъ далеко отъ оппозиціонныхъ круговъ — это будетъ существенный ущербъ для всѣхъ, кто вынужденъ бороться за правовыя формы не объ руку съ рабочимъ классомъ, еще не выдвинувшимъ политическихъ задачъ. Политическая невинность русскаго марксиста-интеллигента, скрытая за головными разсужденіями на политическія темы, можетъ сыграть съ нимъ скверную шутку.

Мы не знаемъ, много-ли найдется русскихъ социалъ-демократовъ, разделяющихъ эти воззрѣнія. Но несомнѣнно, что вообще идеи этого рода имѣютъ сторонниковъ и потому мы считаемъ себя обязанными категорически протестовать противъ подобныхъ воззрѣній и предостеречь всѣхъ товарищей отъ грозящаго соvrрашенія русской социалъдемократіи съ намѣченнымъ уже ею пути, именно: образованія самостоятельной политической рабочей партіи, неотдѣлимой отъ классовой борьбы пролетаріата и ставящей своей ближайшей задачей завоеваніе политической свободы.

Выше приведенное „сredo“ представляеть изъ себя, во первыхъ, „краткое описаніе хода развитія рабочаго движенія на западъ“, и, во вторыхъ, „выводы для Россіи“.

Совершенно невѣрны, прежде всего, представленія авторовъ „сredo“ о прошломъ западноевропейскаго рабочаго движенія. Невѣрно, что рабочій классъ на западѣ не участвовалъ въ борьбѣ за политическую свободу и въ политическихъ революціяхъ. Исторія чартизма, революціи 1848-го года во Франціи, Германіи, Австріи доказываютъ обратное. Совершенно невѣрно, что „марксизмъ явился теоретическимъ выраженіемъ

господствующей практики: политической борьбы, превалирующей надъ экономической“. Напротивъ „марксизмъ“ появился тогда, когда господствовалъ социализмъ не-политическій (оуэнизмъ, фурьеризмъ, петинный социализмъ и проч.), и „Коммунистическій Манифестъ“ сразу выступилъ противъ неполитическаго социализма. Даже тогда, когда марксизмъ выступилъ во всеоружіи теоріи („Капитала“) и организовалъ знаменитое „Международное Общество Рабочихъ“, политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкій трэдъ-юніонизмъ въ Англіи, анархизмъ и прудонизмъ въ романскихъ странахъ). Въ Германіи великая историческая заслуга Лассалля состояла въ томъ, что онъ превратилъ рабочій классъ изъ хвоста либеральной буржуазіи въ самостоятельную политическую партію. Марксизмъ связалъ въ одно неразрывное цѣлое экономическую и политическую борьбу рабочаго класса, и стремленіе авторовъ „сredo“ отдѣлать эти формы борьбы принадлежитъ къ самымъ неудачнымъ и печальнымъ отступленіямъ ихъ отъ марксизма.

Далѣе, совершенно невѣрны такъ-же представленія авторовъ „сredo“ о современномъ положеніи западноевропейскаго рабочаго движенія и той теоріи (марксизма), подъ знаменемъ которой идетъ это движеніе. Говорить о „кризисѣ марксизма“ значитъ повторять безсмысленныя фразы буржуазныхъ писакъ, усиливающихъ раздугъ всякій споръ между социалистами и превратить его въ расколъ социалистическихъ партій. Пресловутая „берштеніада“ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее обыкновенно понимаетъ широкая публика вообще и авторы „сredo“ въ частности, — означаетъ попытку сгнать теорію марксизма, попытку превратить

революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социалдемократов. Оппортунистическія теченія не раз обнаруживались в германской социалдемократіи и всякій раз были отвергаемы партией, которая вѣрно хранитъ завѣты революціонной международной социалдемократіи. Мы увѣрены, что всякія попытки перенести оппортунистическія воззрѣнія вѣ Россію встрѣтятъ столь-же рѣшительный отпоръ со стороны громаднаго большинства русскихъ социалдемократовъ.

Точно также не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ „коренномъ измѣненіи практической дѣятельности“ западноевропейскихъ рабочихъ партій, вопреки мнѣнію авторовъ „credo“. Громадное значеніе экономической борьбы пролетаріата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмомъ съ самаго начала, и еще вѣ 40-хъ годахъ Марксъ и Энгельсъ полемизировали противъ утопическихъ социалистовъ, отрицавшихъ значеніе такой борьбы. Когда, около 20 лѣтъ спустя, образовалось „Международное Общество Рабочихъ“, вопросъ о значеніи профессиональных рабочихъ союзовъ и экономической борьбы былъ поднятъ на первомъ-же конгрессѣ, вѣ Женевѣ, вѣ 1866 году. Резолюція этого конгресса точно указала значеніе этой борьбы, предостерегая социалистовъ и рабочихъ съ одной стороны, отъ преувеличенія ея значенія (замѣтнаго у англійскихъ рабочихъ вѣ то время), съ другой стороны, отъ недостаточной оцѣнки ея значенія (что замѣчалось у французовъ и у нѣмцевъ, особенно у лассальянцевъ). Резолюція признала профессиональные рабочие союзы не только законными, но и необходимыми явлени-

емъ при существованіи капитализма; признала ихъ крайне важными для организаціи рабочаго класса вѣ его ежедневной борьбѣ съ капиталомъ и для уничтоженія наемнаго труда. Резолюція признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительное вниманіе на „непосредственную борьбу противъ капитала“, не должны сторониться отъ общаго политическаго и социальнаго движенія рабочаго класса; ихъ цѣли не должны быть „узкими“, а должны стремиться къ всеобщему освобожденію угнетенныхъ миллионѣвъ рабочаго люда.

Съ тѣхъ поръ среди рабочихъ партій разныхъ странъ не разъ вставалъ (и не разъ будетъ, конечно, вставать) вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли вѣ данный моментъ обратить нѣсколько больше или нѣсколько меньше вниманія на экономическую или политическую борьбу пролетаріата, но общій и принципиальный вопросъ и сейчасъ стоитъ такъ, какъ онъ поставленъ марксизмомъ. Убѣжденіе о томъ, что единая классовая борьба пролетаріата необходимо должна соединять экономическую и политическую борьбу, перешло вѣ плоть и кровь международной социалдемократіи. Историческій опытъ неопровержимо свидѣтельствуетъ далѣе, что отсутствіе политической свободы или стѣсненіе политическихъ правъ пролетаріата всегда ведетъ къ необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый планъ.

Еще менѣе можетъ быть рѣчи о сколько нибудь существенномъ измѣненіи вѣ отношеніи рабочей партіи къ остальнымъ оппозиционнымъ партіямъ. И вѣ этомъ отношеніи марксизмъ указалъ вѣрную позицію, одинаково далекую и отъ преувеличенія значенія политики,

и отъ заговорничества (бланкизмъ и пр.), и отъ пренебреженія политики или съуженія ея до оппортунистскаго, реформаторскаго социальнаго штопанья (анархизмъ, утопическій и мелко-буржуазный социализмъ, государственный социализмъ, профессорскій социализмъ и пр., и пр.). Пролетаріатъ долженъ стремиться къ основанію самостоятельныхъ политическихъ рабочихъ партій, главной цѣлью которыхъ долженъ быть захватъ политической власти пролетаріатомъ для организаціи социалистическаго общества. На другіе классы и партіи пролетаріатъ отнюдь не долженъ смотрѣть, какъ на „одну реакціонную массу“: напротивъ, онъ долженъ участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать всякое революціонное движеніе противъ существующаго строя, являться защитникомъ всякой угнетенной народности или расы, всякаго преслѣдуемаго вѣроученія, безправнаго пола и т. дал. Разсужденія на эту тему авторовъ „credo“ свидѣлствуютъ лишь о стремленіи затушевать классовую характеръ борьбы пролетаріата, обезсилить эту борьбу какимъ-то бессмысленнымъ „признаніемъ общества“, съузить революціонный марксизмъ до дюжиннаго реформаторскаго теченія. Мы убѣждены, что громадное большинство русскихъ социалдемократовъ безусловно отвергнетъ подобное искаженіе основныхъ принциповъ социалдемократіи.

Невѣрные послылки относительно западноевропейскаго рабочаго движенія приводятъ авторовъ „credo“ къ еще болѣе невѣрнымъ „выводамъ для Россіи“.

Утвержденіе, что русскій рабочій классъ „еще не выдвинулъ политическихъ задачъ“ свидѣлствуетъ лишь о незнакомствѣ съ русскимъ революціоннымъ

движеніемъ. Еще „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“, основанный въ 1878 г., и „Южно-Русскій Рабочій Союзъ“, основанный въ 1879 году, выставили въ своей программѣ требованіе политической свободы. Послѣ реакціи 80-хъ годовъ рабочій классъ неоднократно выдвигалъ то же требованіе въ 90-хъ годахъ. Утвержденіе, что „разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву“ свидѣлствуетъ лишь о полномъ непониманіи исторической роли русскаго рабочаго класса и насущнѣйшихъ задачъ русской социалдемократіи. Собственная программа авторовъ „credo“ клонится, очевидно, къ тому, чтобы рабочій классъ, идя по „линіи наименьшаго сопротивленія“, ограничивался экономической борьбой, а „либерально-оппозиціонныя элементы“ боролись, при „участіи“ марксистовъ, „за правовыя формы“. Осуществленіе подобной программы было-бы равносильно политическому самоубійству русской социалдемократіи, равносильно громадной задержкѣ и приниженію русскаго рабочаго движенія и русскаго революціоннаго движенія (два послѣднія понятія для насъ совпадаютъ). Одна уже возможность появленія подобной программы показываетъ, насколько основательны были опасенія одного изъ передовыхъ борцовъ русской социалдемократіи, Павла Б. Аксельрода, когда онъ писалъ, въ концѣ 1897 года, о возможности такой перспективы:

„Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ-же за по-

литическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции". (Аксельродъ: „Къ вопросу о совращеніи задачъ и тактики русскихъ социалъдемократовъ". Женева. 1898 г. стр. 19). Русскіе социалъдемократы должны объявить рѣшительную войну всему кругу идей, нашедшихъ себѣ выраженіе въ „сredo", такъ какъ эти идеи прямо ведутъ къ осуществленію такой перспективы. Русскіе социалъдемократы должны приложить все усилія къ тому, чтобы осуществилась другая перспектива, издаваемая П. Б. Аксельродомъ въ такихъ словахъ:

„Другая перспектива: социалъдемократія организуетъ русскій пролетариатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу *частію рядомъ и въ союзъ* съ буржуазными революціонными факціями (по сколько таковыя будутъ въ наличности), частью-же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи" (Ibid., стр. 20).

Въ то самое время, когда П. Б. Аксельродъ писалъ эти строки, заявленія социалъдемократовъ въ Россіи показывали ясно, что громадное большинство ихъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Правда, одна газета петербургскихъ рабочихъ, „Рабочая Мысль", склонялась, какъ будто бы, къ идеямъ авторовъ „сredo", высказываясь, къ сожалѣнію, въ своей передовой программной статьѣ (№ 1, Октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противорѣчащую социалъдемократизму мысль, что „экономическая основа движенія" можетъ быть „затемнена стремленіемъ постоянно не забывать поли-

тического идеала". Но въ то же время другая газета петербургскихъ рабочихъ, „С.-Петербургскій Рабочій Листокъ" (№ 2, Сентябрь 1897 г.), рѣшительно высказывалась за то, что „неспровергнуть самодержавіе... можетъ единственно лишь крѣпко организованная многочисленная рабочая партія", что „организовавшись въ сильную партію" рабочіе „освободятъ себя и всю Россію отъ всякаго политическаго и экономическаго гнета". Третья газета, „Рабочая Газета", въ передовой статьѣ (№ 2 Ноябрь 1897 г.) писала: „Борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за политическую свободу — есть ближайшая задача русскаго рабочаго движенія"... „Русское рабочее движеніе удесятеритъ свои силы, если выступитъ какъ единое стройное цѣлое съ общимъ мненіемъ и стройной организаціей"... „Отдѣльные рабочіе кружки должны превратиться въ одну общую партію"... „Русская рабочая партія будетъ партіей социалъдемократической". Что громадное большинство русскихъ социалъдемократовъ раздѣляло вполне именно эти убѣжденія „Рабочей Газеты", — это видно изъ того, что состоявшийся весной 1898 г. съездъ русскихъ социалъдемократовъ образовалъ „Россійскую Социалъдемократическую Рабочую Партію", опубликовалъ ея „Манифестъ" и призналъ „Рабочую Газету" официальнымъ органомъ партіи.

Такимъ образомъ авторы „сredo" дѣлаютъ колоссальный шагъ назадъ противъ той ступени развитія, которой русская социалъдемократія уже достигла и которую она запечатлѣла въ „Манифестъ Россійской Социалъдемократической Рабочей Партіи". Если отчаянная травля русскаго правительства привела къ тому, что въ настоящее время дѣятельность „Партіи" вре-

менно ослабѣла и ея официальный органъ пересталъ выходить, то долгъ всѣхъ русскихъ социалдемократовъ состоитъ въ томъ, чтобы приложить всѣ усилія къ окончательному укрѣпленію „Партіи“, къ выработкѣ программы партіи, къ возобновленію ея официального органа. Въ виду того шатанія мысли, о которомъ свидѣлствуетъ возможность появленія такихъ программъ, какъ вышеразобранное „credo“, мы считаемъ особенно необходимымъ подчеркнуть слѣдующіе основные принципы, изложенные въ „Манифестѣ“ и имѣющіе громадную важность для русской социалдемократіи.

Во-первыхъ, русская социалдемократія „хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ“. Отсюда слѣдуетъ, что девизомъ социалдемократіи должно быть содѣйствіе рабочимъ не только въ экономической, но и въ политической борьбѣ; агитация не только на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ, но и на почвѣ всѣхъ проявленій политическаго гнета; пропаганда не только идей научнаго социализма, но и пропаганда идей демократическихъ. Знаменемъ классового движенія рабочихъ можетъ быть только теорія революціоннаго марксизма, и русская социалдемократія должна заботиться о ея дальнѣйшемъ развитіи и претвореніи въ жизнь, оберегая ее въ то же время отъ тѣхъ искаженій и опощленій, которымъ такъ часто подвергаются „модныя теоріи“ (а успѣхи революціонной социалдемократіи въ Россіи сдѣлали уже марксизмъ „модной“ теоріей). Сосредоточивая въ настоящее время всѣ свои силы на дѣятельности въ средѣ фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ, социалдемократія не должна забывать, что въ

ряды организуемыхъ ею рабочихъ массъ должны войти, съ расширеніемъ движенія, и домашніе рабочіе, и кустари, и сельскіе рабочіе, и милліоны разореннаго и умирающаго съ голоду крестьянства.

Во-вторыхъ, „на своихъ крѣпкихъ плечахъ русской рабочей должна вынести и вынести дѣло завоеванія политической свободы“. Ставя неспроверженіе абсолютизма своей ближайшей задачей, социалдемократія должна выступить передовымъ борцомъ за демократію, и уже въ силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всѣмъ демократическимъ элементамъ русскаго населенія, привлекая ихъ къ себѣ въ союзники. Только самостоятельная рабочая партія можетъ быть твердымъ оплотомъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, и только въ союзѣ съ такой партіей, въ поддержкѣ ея могутъ активно проявить себя всѣ остальные борцы за политическую свободу.

Наконецъ, въ-третьихъ: „Какъ движеніе, такъ и направленіе социалистическое, русская социалдемократическая партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго дѣла въ Россіи; ставя главнѣйшую изъ ближайшихъ задачъ партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, социалдемократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣателями старой „Народной Воли“. Традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи требуютъ, чтобы социалдемократія сосредоточила въ настоящее время всѣ свои силы на организаціи партіи, укрѣпленіи дисциплины внутри ея и развитіи конспиративной техники. Если дѣатели старой „Народной Воли“ сумѣли сыграть громадную роль въ русской исторіи, несмотря на относительную слабость

тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые поддерживали немногихъ героевъ, то социалъдемократія, опираясь на классовую борьбу пролетаріата, съумѣетъ стать непобѣдимой. „Русскій пролетаріатъ сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ болѣею энергіей продолжать борьбу съ капиталомъ и буржуазіей до полной побѣды социализма“.

Мы приглашаемъ всѣ группы социалъдемократовъ и всѣ рабочіе кружки въ Россіи обсудить вышеприведенное „сгедо“ и нашу резолюцію и выказать определенное свое отношеніе къ поднятому вопросу, чтобы устранить всякія разногласія и ускорить дѣло организации и укрѣпленія російской социалъдемократической рабочей партіи.

ПИСЬМО КЪ АКСЕЛЬРОДУ ОДНОГО ИЗЪ АВТОРОВЪ БРОШЮРЫ ПРОТИВЪ ГРУППЫ „О. Т.“

Дорогой Павелъ Борисовичъ!

Я тоже очень жалю, что не могу говорить съ Вами лично... Съ теоретической точки зрѣнія генезисъ и развитіе имущественнаго интереса рабочаго класса дастъ намъ точку опоры, съ которой только и возможно понять какъ политическія стремленія рабочихъ, такъ и многообразныя и часто противорѣчивыя формы организаций, создаваемыхъ рабочимъ классомъ въ его развитіи. Съ этой точки зрѣнія социализмъ является логически вытекающимъ изъ интересовъ класса фабричныхъ рабочихъ и совершенно не вытекающимъ изъ интересовъ группы, которую защищалъ Шульце-Деличъ, Брентано, нашъ В. В. и другіе мѣщане. Возможность психическаго воздѣйствія суживается, революціонныя вспышки — и ихъ неизбежная реакція — становятся понятны и самъ рабочій классъ, анализируемый съ этой точки зрѣнія — является уже величиной

определенной въ каждомъ данномъ конкретномъ случаѣ, а не фикціей. Для меня Бельгія являлась въ этомъ отношеніи самъ и лучшей школой. Политическія надстройки не прикрываютъ въ ней процесса развитія рабочихъ. Тамъ во очю можно было наблюдать (напр. въ вопросѣ о національной кассѣ) антагонизмъ мелкихъ ремесленниковъ съ крупными мануфактурными рабочими, а тѣмъ болѣе интеллигенціи, мечтающей о захватѣ власти и соціальной революціи — съ рабочими защищающими свои *реальные интересы*. *Послѣ Бельгии* *мнѣ стало стыдно* теперь говорить о соціальной революціи. ... Не знаю почему, слова имущественный, реальный — вызываютъ непременно у многихъ представленіе о чемъ то низшемъ, низменномъ. Развѣ слово реальный не значить просто — существующій? Развѣ защита имущественныхъ интересовъ не потребуетъ въ ближайшемъ будущемъ политическихъ правъ? Но требованіе политическихъ правъ *рабочими* ничего не имѣетъ общаго съ сверженіемъ самодержавія. Въ сущности мы и теперь не имѣемъ уже права говорить о самодержавіи, которое какъ змѣя изворачивается, чтобы приспособиться къ новому способу производства и съѣздами, синдикатами и союзами старается замазывать рты буржуазіи, нуждающейся въ широкой свободѣ. И нельзя не признать, что свобода эта у нашей буржуазіи *есть*, что ей не приходится разбивать среднѣекошныя рамки цехового строя, — онѣ разбиты давно фискальными пуждами самого самодержавія. Если теперь буржуазія можетъ безпрепятственно удовлетворять свои личные инстинкты, если правительство извивается на всѣ лады, чтобы угодить и дворянамъ, и фабрикантамъ, — то остается ждать одного: когда обострятся ин-

тересы внутри самой буржуазіи. Тогда самодержавіе, неудобившее какой-либо сторонѣ, уступитъ мѣсто буржуазной конституціи. При чемъ же рабочий классъ? Можно-ли ему спокойно ждать этой конституціи? Я думаю, что Вы подозреваете насъ именно въ этой точкѣ зрѣнія. На Бельгіи, Германіи, на Англіи я ясно вижу, что во все время существованія буржуазной конституціи рабочіе непрерывно борются за... политическія права. Если у насъ растетъ сознательная буржуазія, богатая опытомъ своей подруги — буржуазіи запада, то... утопично думать, что она при сверженіи самодержавія измѣнитъ политическое положеніе рабочихъ. При отвратительной, ничѣмъ не прикрытой реакціи на западѣ когда рабочіе должны дрожать уже за добытые права — въ Россіи нельзя ожидать чего либо отъ конституціи. Что-же остается дѣлать? Остается ничего не ожидая, ни на кого не возлагая надеждъ, самимъ рабочимъ, *при существующей формѣ правленія*, теперь, немедленно, неустанно и шагъ за шагомъ добиваться политическихъ правъ. Для рабочихъ нѣтъ этапа, на которомъ можно бы было отдохнуть; тѣмъ болѣе не явится такимъ этапомъ конституція. Такимъ же путемъ, какимъ добились они легализованія стачки — необходимо добиваться свободы собраній, печати. Путемъ постоянного повторенія стачекъ, путемъ массового движенія, массовой организаціи нужно защищать политическія права рабочихъ. У насъ въ Россіи приходится считаться съ поразительно низкимъ уровнемъ развитія рабочихъ и рассчитывать на то, что они быстро поймутъ роль и здовредность самодержавія — невозможно. Но за то у насъ другое преимущество передъ медленнымъ процессомъ запада — ростъ круп-

наго производства и фабричнаго пролетаріата. Есть и еще преимущество — бѣлый терроръ, который практикуетъ съ рабочими правительство, быстро прочистить имъ головы и быстро поставить въ ряду *реальныхъ* интересовъ — политическіе интересы. Если можно задушить, задавить ремесленное движеніе Вильны и запада, то нельзя будетъ этого сдѣлать съ Петербургомъ, Москвой, съ фабрикой. Поэтому мое мнѣніе, что говорить теперь, пропагандировать рабочимъ сверженіе самодержавія — а, значить, просто на просто революцію — это значить подвергать ихъ величайшей опасности, какая только была возможна въ исторіи. Пока нѣтъ среди нихъ сознанія своихъ интересовъ (а его нѣтъ), пока нѣтъ выработанной на практикѣ стойкости и организованности, до тѣхъ поръ всякій призывъ къ сверженію самодержавія повлечетъ за собою лишь серпуховскія побойща. Пока не совершится революція въ самомъ рабочемъ классѣ, до тѣхъ поръ революція въ Россіи наканунѣ XX-го вѣка будетъ мнѣ рисоваться кровавымъ моремъ, которое надолго затопитъ нарождающееся движеніе. Конечно, такая революція возможна и безъ нашей пропаганды. Но стихійное движеніе — не есть программный вопросъ. Я думаю, что никогда революція не можетъ войти ни въ одну программу. Программа — это цѣли и способы борьбы, а, следовательно, и способы организаций этой борьбы. Всякая борьба въ исторіи вела къ организациямъ, были-ли онѣ сознательны или выросли стихійно. Преимущество социалдемократіи передъ другими борцами исторіи въ томъ, что такія организации (какую бы форму онѣ не носили) она можетъ устраивать *сознательно*, предумышленно и *планомѣрно*. Пропаганда способовъ орга-

низаций, указаніе *пути* на почвѣ уже *сознанныхъ* интересовъ рабочихъ есть *единственная* задача социалдемократіи. Будущій строй завлечетъ не только отъ класса рабочихъ, но и отъ комбинаціи *всѣхъ* условій производства, и въ активную программную дѣятельность рабочего класса входить не можетъ: это величина неизвѣстная, вѣроятно, даже и самому богу. Рабочимъ извѣстны только двѣ вещи: 1) ихъ собственный, ясно сознанный, конкретный интересъ и 2) ихъ положеніе, то или другое, среди другихъ классовъ. Отсюда — роль надстройки, интеллигентной социалдемократіи — понять интересъ данной минуты, т. е. ту активно-психическую базу, которая явится двигателемъ массы и, вторыхъ, понять возможно шире и правильнѣе положеніе этой массы въ ряду всѣхъ другихъ условій данной же минуты. Абстрактная проповѣдь социализма и солидарности мало тутъ чѣмъ поможетъ; наоборотъ, вѣрно указанный путь активной борьбы — приведетъ-ли онъ къ успѣху или нѣтъ — сдѣлаетъ много: онъ учить рабочихъ бороться съ одной стороны и съ другой — опять таки конкретно указываетъ на препятствія и, следовательно, *порождаетъ* новый интересъ. Такимъ образомъ въ самой борьбѣ знаніе методовъ борьбы неизбѣжно связано съ расширеніемъ горизонта и цѣлей.

Такъ какъ передать фактъ безъ предвзятой точки зрѣнія логически невозможно, то и въ моей статьѣ, разумѣется, сказалась эта точка зрѣнія. Я хотѣлъ на дѣйствительныхъ фактахъ показать эволюцію борьбы и выборъ средствъ отъ стихійныхъ вепышекъ до организации бельгійскихъ углеконовъ. Хотѣлось также показать необходимость политическихъ правъ, для защиты имущественныхъ. При чемъ долженъ оговориться,

что все факты бралъ не искажая, а философія, которая не правится К-ву, принадлежит не мнѣ, а членамъ Бельгійской партіи: Ельберсу, Окторсу, Лео, Генно и многимъ другимъ членамъ новаго противу-утопическаго (если можно такъ выразиться) течения бельгійскаго рабочаго движенія. Я неудачно написалъ ее — это, конечно, зависить отъ моей непривычки излагать мысли; но точки зрѣнія я измѣнить не могу, почему и не знаю, какъ я могу передѣлать ее?*) Если выкинуть призывъ къ организаціи, что отъ нея останется? Стачка—какъ тысяча другихъ. Сама стачка для меня являлась лишь прицѣпкой для описанія *способовъ* борьбы и тѣхъ препятствій, которые встрѣчаютъ на своемъ пути рабочіе. Эти препятствія всегда и въ рабочихъ, и въ нихъ самихъ; и то, и другое я старался подтвердить. Но сдѣлавъ это я, вѣроятно, очень неудачно. Код — въ ссылается на удручающее впечатлѣніе конца статьи. Но, вѣдь, развѣ можно скрывать отъ рабочихъ значеніе организаціи патронновъ? Это такая опасность, которая при бышешней конкуренціи нашего рынка грозитъ рабочимъ всѣхъ странъ и націй. И опять такі единственными исходомъ является организація рабочихъ, все равно въ какой формѣ, организація и борьба.

На нелегальную литературу я лично возлагаю столько надежды поскольку она *объясняетъ* рабочимъ окружающее и указываетъ имъ способъ дѣйствій, хотя бы иллюстраціей борьбы ихъ заграничныхъ товарп-

*) Рѣчь идетъ о статьѣ, предназначавшейся для напечатанія въ „Листкѣ Работника“. Прим. изд.

щей. Совершенно согласенъ съ Вами, что не къ чему замалчивать и зловерность самодержавія. Но зловерность эта двудѣльная: съ точки зрѣнія ея зловерности *вообще* какъ таковой, и зловерности для даннаго класса. Въ послѣднемъ случаѣ анализъ болѣе сложенъ и требуетъ тщательнаго изученія отношеній всѣхъ классовъ къ данному классу и самодержавію. Въ Россіи еще запутаннѣе; она выступила поздно, при совершенно сформировавшихся капиталистическихъ отношеніяхъ на западѣ и въ международномъ хозяйствѣ, и стремительная ломка старыхъ устоевъ представляетъ историческое событіе не вполне укладывающееся въ рамки западноевропейскихъ формъ. Не подумайте, что это пресловутая „самобытность“ или особенность Россіи. Нѣтъ, это просто протестъ противъ схематическаго прилаживанія пути развитія запада къ нашему. На западѣ при одномъ и томъ-же „пути“ приходится сталкиваться съ такими богатствами формъ проявленія одного и того-же явленія—капитализма, что практическаго дѣятеля, я думаю, болѣе всего должны интересовать эти формы, какъ единственные конкретныя вещи, съ которыми ему приходится сталкиваться. И, напримѣръ, твердо увѣренъ, что рабочіе добьются политическихъ правъ. Меня интересуетъ не это, а *какъ и когда*; политическія права Англіи не то, что права Германіи или Бельгіи, или Франціи. Конечно, съ философской точки зрѣнія мы можемъ найти достаточныя основанія для этой разницы, но для практика нужно знать форму *возможную* при данныхъ условіяхъ. И эти условія въ Россіи существенно различны: 1) союзъ буржуазіи, умной и образованной съ самодержавіемъ (сравните представителей правительства во время спо-

ровъ о денежной реформѣ съ нашими либералами Чупровымъ, Ходскимъ....). 2) боязнь смертельная рабочаго движенія, сразу ставшаго не на точку зрѣнія Шульце-Делича, а на точку зрѣнія пролетаріата крупной промышленности, пролетаріата, неспособнаго удовлетвориться кассами взаимопомощи. Поэтому, я думаю, что у насъ борьба рабочихъ за политическія права будетъ болѣе упорна, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, что *организации рабочихъ и ихъ тактика* должны являться кардинальнымъ пунктомъ дѣятельности всякаго социал-демократа, и основнымъ содержаніемъ всей нелегальной литературы. Поэтому и подборъ фактовъ, и ихъ освѣщеніе должно отвѣчать этой главной задачѣ: борьбѣ настоящей, борьбѣ возможной въ ту или другую минуту. Пропаганда будущаго, социализма и всего прочаго, можетъ пока служить хорошимъ средствомъ для привлеченія *отдѣльных лицъ* изъ интеллигенціи и рабочей среды (въ большинствѣ случаевъ мало сознательныхъ и сантиментальныхъ), но *никогда* массы. Въ Англіи *теперь* эта пропаганда социализма становится достояніемъ массы и не даромъ англійскій министръ финансовъ говоритъ, что „стремительно развивающійся социализмъ въ традиціонской Англіи для ея строя опаснѣй чумы, мора, голода“. Еще-бы! Тамъ социализмъ является *последнимъ* реальнымъ интересомъ сплоченной, организованной массы, а не простымъ звукомъ, не связаннымъ съ будничной жизнью рабочей массы. Простите, Павелъ Борисовичъ, что утомилъ Васъ этимъ длиннымъ и мало связнымъ изложеніемъ элементарныхъ истинъ. Къ сожалѣнію, къ общественнымъ истинамъ пока непримѣнима математика и $2 \times 2 = 4$, поэтому всѣ эти истины окрашены субъективиз-

момъ, и трудно встрѣтить двухъ социал-демократовъ, одинаково понимающихъ процессъ развитія и его исходныя точки. Именно въ силу этого обстоятельства мы не кажемся страшными разногласія подобнаго рода: если люди хорошо понимаютъ, что *на практикѣ* они не могутъ, *не должны* расходиться, то въ теоретическихъ воззрѣніяхъ слѣдовало-бы предостаивать полную свободу слова (въ предѣлахъ общаго міровоззрѣнія, конечно), о чемъ только и просилаская группа. Ни о какихъ перемѣнахъ редакціи *не было* и не могло быть рѣчи по тремъ причинамъ: 1)ская группа слишкомъ молода, чтобы высказывать подобныя претензіи, 2) мѣстоской группы—Россія, 3)ская группа твердо вѣритъ въ то, что „Группа Освобожденія Труда“ чутко прислушивается къ требованіямъ русскаго рабочаго движенія и если взгляды, высказываемые группойской окажутся также взглядами русскихъ группъ, то редакция никогда не будетъ препятствовать свободному ихъ выраженію въ печати. Я съ Вами совершенно согласенъ, что въ обращеніяхъ къ массѣ редакция не должна допускать разногласій, особенно, когда дѣло идетъ о тактикѣ. Но тогда тѣмъ болѣе необходимо еговориться и установить детально пункты разногласій, что возможно сдѣлать только при личномъ и подробномъ обсужденіи. Въ брошюрахъ же для интеллигенціи подобныя различія въ точкахъ зрѣнія не только не вредны, *но желательны*, такъ какъ марксизмъ не мертвая доктрина, а развивающаяся и расширяющаяся въ содержаніи руководящая теорія, и критика ея, а также развитіе нѣкоторыхъ неразвитыхъ положеній въ настоящее время существенно важны.

Что касается Листка, то я не думаю, чтобы онъ

могъ послужить пунктомъ разногласій: въ немъ рѣчь будетъ идти о матеріалѣ для массы, а не для интеллигенціи. Если говорилось о выдержанности тона, то имѣлось въ виду именно отсутствіе „сверженія самодержавія“, социализма и другихъ вещей, пока совершенно недоступныхъ массѣ, не потому чтобы она была безграмотнымъ Сысойкой, а потому, что стучаться въ закрытый сердца — это значитъ не найти въ нихъ желаннаго отклика. Что для „сверженія“ и „социализма“ сердца русской массы закрыты — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Сомнѣнія могутъ быть лишь въ томъ, *какъ* ихъ открыть. Листокъ долженъ былъ направляться на указаніе *доступныхъ* въ *настоящемъ* массѣ средствъ, а не на доказательства того, что царство небесное для нея неизбѣжно. Социализмъ хорошъ теперь для возбужденія въ массѣ молитвенно-блаженнаго состоянія при мысли объ этомъ будущемъ, а не активно сознательной и упорной борьбы.

Не знаю, удалось-ли хоть отчасти выяснитъ точку зрѣнія. Она далека какъ отъ Шульце-Делича, такъ и отъ нѣкоторыхъ положеній Комм. Ман. Если этотъ послѣдній признать за Евангеліе, то эта точка зрѣнія является ересью. Если-же допустить, что жизнь не стояла, а шла, то, быть можетъ, она имѣетъ корни въ дѣйствительности, что, конечно, покажетъ дальнѣйшее развитіе и общественныхъ наукъ, и вообще всего теоретическаго багажа социальдемократіи.

Маленькая иллюстрація: въ брошюрѣ К — ва о законѣ 2-го іюня говорится: „что современные законодатели меньше всего могутъ заботиться объ интересахъ рабочихъ, что они чаще противодействуютъ охранѣ этихъ интересовъ, чѣмъ помогаютъ имъ, что самодер-

жавіе должно погибнуть для того, чтобы рабочіе могли жить“. Выводъ не соответствуетъ дѣйствительности: какъ будто-бы хоть одно законодательство запада помогаетъ рабочимъ *и не препятствуетъ* защищать свои интересы!! Въ Бельгіи, гдѣ бумажный король отнюдь не можетъ считаться „самодержавіемъ“, законодательство стоитъ на страшно низкой ступени, и борьба съ католиками становится съ каждымъ годомъ упорнѣй. Даже изданные законы (Les lois Vanderv.) остаются мертвой буквой, если *сила рабочихъ* не на верху (въ парламентѣ) а *внизу* недостаточна. При чемъ тутъ самодержавіе? Если бы К — въ говорилъ въ томъ смыслѣ, что *всякая* буржуазная законодательная машина *неспособна безъ силы рабочихъ* обезпечить имъ защиту — я думаю всякій бы съ нимъ согласился, но выдѣлять одно самодержавіе — не вѣрно.

Очень прошу Васъ воздержаться отъ зачисленія подобной точки зрѣнія въ мѣщанскія міровоззрѣнія или подозрѣвать въ умѣренности и аккуратности въ тѣхъ случаяхъ, когда объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Товарищи согласны съ выраженными въ этомъ письмѣ положеніями.

ПИСЬМО г. Г.

Пока буду писать о такихъ вещахъ и дѣлахъ, не имѣющихъ строгаго отношенія къ затрогиваемой намъ темѣ. Мы имѣемъ дѣло съ людьми и съ вопросами,

въ которыхъ и у которыхъ оттѣнки мысли, традиціи, способъ выражения и традиціи прошлаго играютъ очень рѣшительную роль. За время моего пребыванія здѣсь мнѣ приходилось много думать и говорить объ этихъ вопросахъ съ Н. Н. и М. М. Для полнаго пониманія ихъ взглядовъ и ихъ отношенія къ дѣлу я хочу объяснить Вамъ ихъ обликъ. Въ этомъ смыслѣ вопросъ принимаетъ болѣе ясную форму. Н. Н. человекъ молодой, бывшій народоправецъ, народовецъ и сравнительно только недавно перешедшій на сторону социалдемократ. Слѣдуетъ признаться, что онъ человекъ выдающійся по своему оригинальному мышленію и умѣнію критически относиться ко всякимъ революціоннымъ традиціямъ и взглядамъ. Путь критики, путь отрицанія — путь благодарный для такого богатаго способностями человека, какъ онъ, по пути чрезвычайно скользкій. Въ своей критикѣ программъ и взглядовъ, установившихся въ европейской социалдемократическ. литературѣ, онъ положительно не оставляетъ камня на камнѣ. Взглядъ на прошлое социалдемократіи совершенно другой, чѣмъ онъ установился въ нѣмецкой литературѣ. Коммунизмъ Маркса, взгляды Лассалля, тенденціи, проявлявшіяся въ революціи 48 г. все это принимаетъ у него совершенно другую окраску. Основной его взглядъ, что всѣ идеологическія постройки революціи, всѣ ихъ отдаленныя цѣли, носятъ чисто идеалистическій характеръ. Они поэтому имѣютъ мало общаго съ основными требованіями пролетаріата или во всякомъ случаѣ далеко ихъ опередили. По его мнѣнію социализмъ Маркса и Энгельса по столько наученъ, по сколько онъ является съ одной стороны критикой существующаго капиталистическаго строя, а съ

другой — выражаетъ ближайшія требованія рабочаго класса. Всѣ ихъ надежды на близкій конецъ капиталистической эры, всѣ ихъ пророчества на близкую социальную революцію не научны. Онъ вполне въ этомъ отношеніи согласенъ съ взглядами Бернштейна, высказанными имъ недавно въ Neue Zeit., что въ социализмъ для него „Bewegung“ все, а все остальное его мало интересуетъ и не входитъ съ одной стороны въ область научнаго изслѣдованія, а съ другой не имѣетъ отношенія къ современнымъ практическимъ задачамъ рабочаго класса.

Социализмъ, по его мнѣнію, есть защита интересовъ пролетаріата въ самомъ широкомъ смыслѣ. Что будущее дастъ—это лежитъ внѣ области научнаго познанія. Пока мы знаемъ только одно. Рабочему классу въ Европѣ нужны Koalitionsrecht, широкая политическая свобода, демократическія реформы, сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и т. п.

Онъ сильно увлекается бельгійскими кооперативамъ, созданными тамошней рабочей партіей. Онъ считаетъ организацію рабочаго класса на почвѣ ежедневныхъ, въ широкомъ смыслѣ понимаемыхъ, интересовъ той ближайшей цѣлью, которую должна себѣ ставить европейская социалдемократія. Безъ организаціи нѣтъ результатной борьбы, нѣтъ воспитанія. Въ частности кооперативы, не непременно классовыя, играютъ очень крупную, по его мнѣнію, роль.

Стремленіе же многихъ социалдемократовъ къ захвату политической власти въ ближайшемъ будущемъ, надежда на то, что современный пролетаріатъ, въ своемъ большинствѣ неорганизованный, сумѣетъ выбрать въ парламентъ социалдемократическое большинство —

утопія. Съ другой стороны ставить въ программу обществленіе орудій труда или толковать о Zukunft staats — утопично и ребячество. Онъ думаетъ, какъ и Бернштейнъ, что капитализму еще долго жить, что въ немъ въ настоящее время происходитъ процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ техники. Онъ полагаетъ, что процессъ техники предполагаетъ во многихъ отрасляхъ производства не концентрацію, а стагнацію или даже раздробленія. Поэтому говорить теперь объ агоніи капитализма, какъ многіе привыкли теперь выражаться, по малой мѣрѣ смѣшно. И вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе ненаучно говорить о будущей формѣ общества. Объ этомъ мы не можемъ пока имѣть никакого представленія. Данныя настоящаго даютъ намъ на этотъ счетъ мало указаній и мы не можемъ предвидѣть всѣхъ измѣненій въ технику и производств. отношеніяхъ, которыя можетъ намъ принести будущее. Наука же можетъ имѣть дѣло только съ фактомъ, а не съ догадками. Догадки же ставить въ основѣ программы совершенно неблагоприятно и можетъ привести къ недоразумѣніямъ и разочарованіямъ. Мы можемъ говорить объ ограниченіи капиталистической эксплуатаціи, говорить даже (и то еще въпросъ) о ея уничтоженіи, но не только. Но о формѣ этого идеала мы не имѣемъ права говорить.

Интересны, между прочимъ, его наблюденія надъ бельгійскимъ рабочимъ движеніемъ. Бельгійская рабочая масса представляется въ его глазахъ совершенно не тѣмъ, какъ она обыкновенно намъ рисуется. Онъ разбиваетъ ее на три группы: чистый пролетаріатъ, мануфактурныхъ рабочихъ и мелкое ремесло и наглядно доказываетъ, какъ мало общаго между ними, какъ

различны ихъ требованія, какъ различно ихъ отношеніе къ политическимъ вопросамъ и т. п. Выводъ, къ которому онъ приходитъ, тотъ, что у современнаго рабочаго класса очень мало общихъ требованій, которыя могли бы объединить его и привести къ близкому паденію капитализма. Несмотря на полную свободу слова, собраній и союзовъ мы находимъ огромныя массы неорганизованныхъ рабочихъ, мало интересующихся политикой и ставящихъ только профессиональныя требованія, вытекающія изъ производств. отношеній, господствующихъ въ той или другой группѣ рабочаго класса. Сколько лѣтъ уже тамонія соціалистическая интеллигенція старается ихъ направить на широкую политическую борьбу, на то, чтобы дать имъ общій интересъ — всѣ ихъ усилія разбиваются въ конецъ. Рабочая масса беретъ изъ программы революціонной интеллигенціи только то, что ей насущно необходимо и что можетъ быть достижимо въ настоящемъ, отбрасывая все остальное, какъ ненужную для нея идеализацію и игнорируя ее. Изъ этого можно сдѣлать только тотъ выводъ, что интеллигенція, если она хочетъ усильно работать въ пролетаріатѣ, какой бы то ни было изъ названныхъ группъ, она должна изучить основныя ея производственныя отношенія, уловить ея насущныя требованія и на нихъ построить свою ближайшую программу. Только такая программа и можетъ имѣть успѣхъ. Какія требованія ни выставляла соціалистическая интеллигенція въ Бельгіи, если они только не коренятся въ условіяхъ производства и данныхъ соціальныхъ отношеній, они никогда серьезно не поднимали массу и не вызывали ее на борьбу.

Въ силу этого убѣжденія толковать рабочей массѣ

въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о социализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпо и непроизводительная трата силъ. Объ этихъ вопросахъ можно, конечно, говорить въ кружкахъ, можно, наконецъ, пропагандировать, и то съ надлежащимъ умѣніемъ, но ни въ какомъ случаѣ не дѣлать эти вопросы и требованія предметомъ агитаціи и разрабатывать ихъ въ литературѣ, предназначенной для широкихъ массъ рабочаго населенія. Поэтому то такъ безсмысленны требованія образовать въ настоящее время единую оппозиціонную партію всѣхъ революціонныхъ силъ въ Россіи и объединять рабочихъ на почвѣ агитаціи пункта объ уничтоженіи самодержавія, какъ ставятъ себѣ Павелъ Борисовичъ въ послѣсловіи къ брошюрѣ „Объ агитаціи“. Раньше, чѣмъ рабочими (очень значительной ея частью) нельзя объ этомъ думать. Единственно возможное, это пробуждать ея сознаніе на почвѣ ея ежедневныхъ требованій, организовать ее, выдвигать самыя близкіе ей вопросы и постепенно, по мѣрѣ хода ея борьбы, формулировать тѣ общія требованія, которыя возникаютъ на этой почвѣ.

При этомъ слѣдуетъ строго отличать агитацію и пропаганду. Агитировать можно то, что имѣетъ шансы на успѣхъ и можетъ охватить ту или другую массу. При пропагандѣ, которая обыкновенно ограничивается сравнительно небольшимъ кругомъ людей, можно допускать какія угодно отступленія отъ агитаціонной программы, такъ какъ Вы говорите не о ближайшихъ нуждахъ, имѣете дѣло съ болѣе подготовленнымъ народомъ, и кромѣ того Вы излагаете научныя мнѣнія, которыя совершенно нежелательно ограничивать и кастрировать.

Затѣмъ, если мы говоримъ о томъ, что мы не можемъ теперь говорить о борьбѣ съ самодержавіемъ — это не значитъ, что мы отказываемся отъ политической агитаціи. Пожалуй, если понимать подъ борьбой съ самодержавіемъ политическую агитацію, т. е. выставленіе требованій рабочихъ: право сходакъ, слова, собраній и т. под., то противъ этого нельзя ничего имѣть. Я пишу „пожалуй“, потому что теперь поднять агитацію на этой почвѣ можно только въ нѣкоторыхъ крупныхъ и подготовленныхъ центрахъ, какъ Петербургъ, Варшава, Вильна, Кіевъ и кромѣ того эта агитація будетъ больше носить характеръ пропаганды. За тѣмъ, когда говорятъ о борьбѣ слѣдуетъ же ясно поставить вопросъ, въ чемъ она должна выражаться? Если она выражается въ политической агитаціи въ тѣхъ пунктахъ и тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ я говорю выше, то съ этимъ нельзя не согласиться. Но если понимать подъ борьбой то, что понимается въ западной Европѣ, т. е. устройство демонстрацій, волнений и т. п. — это преждевременно, да и невозможно. О какихъ же другихъ формахъ борьбы они говорятъ въ Цюрихѣ? Въ Россіи товарищи многіе также толкуютъ и пишутъ о политической борьбѣ, но никто мнѣ толкомъ не объяснилъ, въ чемъ она заключается и должна заключаться. Правильнѣе всѣхъ этотъ вопросъ ставить виленцы: въ своей прокламаціи они указываютъ, что единственнымъ и главнымъ средствомъ политической борьбы пока является только неустанная, широкая массовая борьба на почвѣ экономической, такъ какъ въ данномъ случаѣ рабочіе нарушаютъ то, что запрещено закономъ, и фактически, такимъ образомъ, ставятъ свои насущныя требованія. Устраивая тайные

союзы и собрания, стачки, распространяя нелегальное слово, рабочие фактически ведут политическую борьбу. Другой формы я абсолютно теперь не знаю.

Вы возстааете против того взгляда, что въ каждой группѣ рабочихъ приходится ставить разныя требованія, иногда противорѣчащія идеаламъ социалъдемократіи. Теоретически объ этомъ спорить трудно. Но слѣдуетъ признать, что если стать на Вашу точку зрѣнія, пришлось бы работу среди мануфактурныхъ рабочихъ прекратить. Идя противъ требованій о недопущеніи женскаго труда, ограниченія ученичества, Вы потеряли среди рабочихъ всякое вліяніе. Среди литовскихъ евреевъ пришлось бы работу прекратить, такъ какъ многія стачки и волненія рабочихъ возникали на этой почвѣ. Возьмите знаменитую эдельштейновскую стачку, въ которой играла очень значительную роль интеллигенція, чѣмъ она вызвана? Желаніемъ Эдельштейна ввести женскій трудъ на фабрику. При практической работѣ волей неволей приходится поддерживать такого рода требованія, или отказаться отъ работы и перейти къ идеальному пролетарію, а гдѣ онъ этотъ идеаль? Гдѣ найти такую массу, гдѣ можно было-бы защищать самыя чистыя основы социалъдемократіи? Я ее пока не нахожу. Разберитесь толково въ требованіяхъ массовыхъ всякихъ нѣмецкихъ, французскихъ, бельгійскихъ Gewerkschaften и Вы увидите, сколько тамъ не подходящаго подъ идеаль социалъдемократіи. Главарямъ нѣмецкой социалъдемократіи или русскимъ эмигрантамъ (простите за рѣзкость) легко объ этомъ говорить, такъ какъ стоять далеко отъ экономической борьбы массъ и имъ не приходится на практикѣ принимать то или другое рѣшеніе, хорошо сказать: не поддерживайте

временныхъ, но не идеальныхъ интересовъ; исполнимо ли это и имѣете ли Вы даже на это право? Это еще тоже большой вопросъ...

Дорогой Б.!

Что касается образованія въ Россіи новой социалъдемократической партіи, то я могу сказать только, что она составила изъ социалистовъ революціонеровъ и рабочихъ революціонеровъ и носитъ яркій политическій характеръ и болѣе всего подходитъ къ программѣ Аксельрода и Кольцова. Они хотятъ взять самодержавіе на „уру“. Во всякомъ случаѣ, какъ и Россійская, такъ и новая Русская мало силъ имѣютъ и имѣли бы мало, даже если бы онѣ соединились. Тѣмъ болѣе, что въ Питерѣ и другихъ мѣстахъ остались группы, не желающія имѣть съ нашей дѣло въ смыслѣ организаціонномъ, считая nonsens'омъ политиканство, несоотвѣтствующее дѣйствительному положенію дѣлъ въ Россіи. Впрочемъ, оговорюсь, все это слухи, мало провѣренныя. Для меня ясно только одно, что создать въ настоящее время партію и программу очень не трудно. Есть-ли это шагъ впередъ—вопросъ. Впрочемъ, посмотримъ...

Новый апостолъ остается мнѣ милъ по-прежнему. Его увлеченія не такъ страшны, какъ это Вамъ издали кажется и, по-моему, даже очень полезны для отрезвленія „политиковъ“ разнаго рода. Я убѣжденъ, что онъ въ будущемъ принесетъ намъ много пользы. У

кого, спрашивается, нѣтъ увлеченій, или теоретическихъ крайностей!? Это все-таки не мѣшаетъ работать вмѣстѣ и цѣнить человѣка, какъ дѣятеля и человѣка искренняго.

Мы съ нимъ немного расходимся въ вопросахъ о необходимости выставленія въ программахъ организационнаго начала, въ смыслъ организаций всякаго рода обществъ.

Не отрицая этого въ принципѣ, мы считаемъ, что онъ недостаточно знаетъ условія жизни русскаго пролетаріата.

Это есть такая же крайность, какъ выдвиганіе на первый планъ политической агитаціи и борьбы. Какъ то, такъ и другое есть плодъ теоретизированія, съ одной стороны, а не знаніе условій жизни русскаго пролетаріата — съ другой. Во всемъ остальномъ у насъ полное согласіе, и это разногласіе не помѣшаетъ намъ вмѣстѣ работать...

Вашъ Г.

ОТВѢТЪ НА БРОШЮРУ АКСЕЛЬРОДА: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ“.

Въ 1885 году Группа Освобожденія Труда издала „Проектъ программы русскихъ социальдемократовъ“.

Проектъ этотъ перепечатанъ теперь въ видѣ приложенія къ двумъ письмамъ г. Аксельрода, одного изъ членовъ Группы Освобожденія Труда, корорыя также посвящены программнымъ вопросамъ.

Появленіе этой брошюры: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ“, обязываетъ практическихъ дѣателей русскаго рабочаго движенія обратить специальное вниманіе на програмно-тактическіе вопросы и перейти наконецъ отъ проектовъ программы къ самой программѣ, тѣмъ болѣе, что программа Группы Освобожденія Труда кладетъ свою печать на издаваемую заграницей русскими социальдемократами литературу. Группа Освобожденія Труда состоитъ редакторомъ этихъ изданій. Въ случаѣ несоотвѣтствія программы группы съ современными нуждами и задачами рабочаго движенія послѣднее окзалось бы лишеннымъ нужной ему литературы.

Группа Освобожденіе Труда оказала серьезныя услуги русскому рабочему движенію*).

Но теперь обстоятельства нѣсколько измѣнились. Намъ приходится считаться теперь не съ интеллигенціей, стремящейся найти матеріальную силу для осуществленія своихъ плановъ, а съ существующимъ рабочимъ движеніемъ, выработавшимъ свои формы, свои

*) Здѣсь авторъ дѣлаетъ намъ нѣсколько комплиментовъ, которые мы опускаемъ, такъ сказать за неадабностью.

ближайшія задачи, свою литературу, наконецъ, свою программу и тактику. Программа годная для интеллигентовъ, пдущихъ „къ рабочимъ“, не годна для самихъ рабочихъ, защищающихъ свои „самодовлѣющіе интересы“, какъ экономическіе и интеллектуальные, такъ и правовые и политическіе. А вѣдь въ этой защитѣ интересовъ рабочихъ, какого бы они характера не были, все содержаніе рабочаго движенія. Мы думаемъ, поэтому, что проектъ программы Группы Освобожденія Труда 1885 года не можетъ стать программой русскаго рабочаго движенія. Жизнь переросла этотъ проектъ. Условія мѣста, заграница, и времени, 1885 г., наложили на него столь рѣзкую печать, что онъ не соответствуетъ состоянію рабочаго движенія въ Россіи въ 1898 г.

Въ самомъ дѣлѣ: программа эта выработана Группой Освобожденія Труда въ то время, когда объ организованномъ движеніи въ Россіи не было и рѣчи. Свое первое письмо Аксельродъ начинаетъ словами: „Скоро будетъ 15 лѣтъ какъ родилась русская социалдемократія. Но не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы эмигрантовъ“. Столь неестественное рожденіе русской рабочей партіи на свѣтъ божій — внѣ Россіи, среди эмигрантовъ — очень характерно. Оно показываетъ, что русское революціонное движеніе переживало въ то время острый кризисъ. Отпечатокъ этого кризиса мы находимъ и въ программѣ Группы Освобожденія Труда. А именно: программа эта, по словамъ Аксельрода, явилась отвѣтомъ на вопросъ: „откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ и какъ вести эту борь-

бу съ наибольшими шансами на побѣду?“ (стр. 4). Вотъ отвѣтъ: „Образованіе рабочей революціонной партіи, первой задачей которой должно быть низверженіе абсолютизма“ (стр. 4). Другими словами: не въ интересахъ рабочаго класса центръ тяжести всей программы, а въ русской революціи и самый „проектъ программы“ не есть программа рабочаго движенія, а программа продолжающагося движенія среди русской революціонно-демократической интеллигенціи.

Конечно, обстоятельство это еще вовсе не обочначаетъ принесенія въ жертву пролетаріата „другимъ общественнымъ силамъ“, интеллигенція не представляетъ собой общественной силы; тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. „Политическая организація рабочихъ мотивируется здѣсь не самодовлѣющими интересами пролетаріата и не отдаленными цѣлями социализма, а настоятельной необходимостью такой организаціи для ближайшихъ общедемократическихъ интересовъ русскаго революціоннаго движенія, для обезпеченія революціонерамъ успѣха въ борьбѣ противъ современнаго государства за интересы трудящагося класса вообще, то есть и крестьянскихъ массъ, и городскихъ рабочихъ... Несомнѣнно то, что для этой группы мысль объ организаціи рабочей партіи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ политическими и социальными тенденціями и задачами воодушевлявшими и воодушевляющими всѣ демократическіе элементы нашей интеллигенціи“ (стр. 9). Для Группы Освобожденія Труда мысль о рабочемъ движеніи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ революционными традиціями демократической интеллигенціи. Ну, а для рабочихъ?

Итакъ въ интересахъ трудящагося класса, помощью трудящагося класса — и цѣль, и средства черпаются, слѣдовательно, въ рабочемъ классѣ, но посредникомъ между цѣлью и средствомъ все же остается демократическая интеллигенція, русскіе революціонеры, которые по собственному усмотрѣнію опредѣляютъ нужды рабочаго класса, которые по собственной инициативѣ предпринимаютъ организацію этого класса. Очевидно формула интеллигенціи, все для рабочихъ и все черезъ посредство рабочихъ, не вполнѣ совпадаетъ съ тезисомъ: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Последняя формула предполагаетъ среди рабочихъ инициативу и пониманіе своихъ собственныхъ нуждъ и задачъ. Напротивъ Аксельродъ игнорируетъ сознание рабочихъ и ихъ инициативу. Именно въ силу этого обстоятельства могло произойти то, что Группа Освобожденія Труда раньше опредѣляла цѣль, низверженіе самодержавія, и лишь послѣ обратилась къ средству, пролетаріату. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло сформулировано въ программѣ и письмахъ Аксельрода. Несомнѣнно ближайшимъ-же послѣдствіемъ подобной постановки задачъ рабочаго движенія будутъ возмущенія рабочихъ противъ „ига интеллигентовъ“ и выступленіе „рабочей мысли“ въ защиту своей самостоятельности отъ опеки интеллигенціи.

Между прочимъ, то обстоятельство, что для нашихъ русскихъ товарищей центральнымъ пунктомъ программы являются „самодовлѣющіе интересы пролетаріата“, а не низверженіе абсолютизма, служить для Аксельрода поводомъ обвинить ихъ въ политическомъ индифферентизмѣ. Мы думаемъ, что такое обвиненіе неоснова-

тельно. Неосновательно оно потому, что русскимъ товарищамъ на практикѣ волей-неволей приходится считаться съ тою ступенью сознанія рабочими своихъ интересовъ, которое въ дѣйствительности уже достигнуто различными группами рабочаго класса въ Россіи. Всякій практическій дѣятель долженъ строить свою агитацію *на нуждахъ „дѣйствительно ощущаемыхъ рабочимъ классомъ“, на интересахъ „сознанныхъ данной мыслью“* (*). Исторія дѣлается массами (**), поэтому сознание только массъ является историческимъ факторомъ ***). Таковъ принципъ, лежащій въ основѣ такъ называемой „экономической агитаціи“, исходящей изъ повседневныхъ нуждъ, уже сознанныхъ рабочимъ классомъ. Этотъ принципъ экономической агитаціи составляетъ для Аксельрода „аксіому, истину, не требующую доказательствъ и распространяться о которой значило бы оскорблять развитого читателя“ (стр. 26). Разъ принципъ построенія агитаціи на сознанныхъ рабочими интересахъ является такой аксіомой, то не обусловливается ли спеціализація русскихъ социалдемократовъ на экономическихъ вопросахъ *содержаніемъ сознанія русскихъ рабочихъ*? Въ этомъ случаѣ объ индифферентизмѣ не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, приходится удивляться пониманію и выдержкѣ рус-

*) Аксельродъ.

**) Плехановъ.

***) Слѣшимъ оговориться, — мы говоримъ объ организованномъ рабочемъ движеніи, сознательно прислѣдующемъ опредѣленнымъ цѣлямъ, а не о стихійномъ движеніи массъ, разрушающемъ существующее изъ за его отрицательныхъ сторонъ, но не имѣющемъ въ виду опредѣленныхъ цѣлей; мы не строимъ исторической схемы, а беремъ одинъ факторъ исторіи — организованное рабочее движеніе.

скихъ товарищей, съумѣвшихъ, несмотря на ужасныя политическія условія, сохранить въ себѣ чувство мѣры. Только эта сдержанность и выдержка позволила нашимъ русскимъ товарищамъ явиться истинными помощниками рабочихъ въ ихъ борьбѣ, въ ихъ защитѣ своихъ интересовъ.

А о томъ, что тактика русскихъ товарищей увѣчалась полнымъ успѣхомъ, свидѣлствуетъ самъ Аксельродъ. Онъ рассказываетъ намъ, какъ молодые социалдемократы начали съ того, что понесли въ рабочую среду ученія Маркса, съ твердымъ намѣреніемъ подготовить тамъ элементы для будущей рабочей партіи. Въ серединѣ 90-хъ годовъ въ кругу марксистской молодежи и спропагандированныхъ рабочихъ накопилось уже столько активныхъ (рабочихъ) силъ, что оказалось возможнымъ перейти къ агитаціи въ массахъ. На первыхъ порахъ она приняла одностороннюю форму поддержки и организаціи одной лишь экономической борьбы. Такимъ образомъ русскіе социалдемократы изъ мирныхъ пропагандистовъ, просвѣтителей, превратились въ живую, активную, революціонную силу. Стачечное движеніе, въ свою очередь, въ какіе-нибудь два года поставило зашевелившіеся рабочіе слои лицомъ къ лицу съ самодержавнымъ правительствомъ и успѣло уже выдвинуть предъ ними вопросъ о политическихъ правахъ (стр. 12, 13, 18, 19). Несомнѣнно, эта тактика русскихъ социалдемократовъ родилась не изъ ихъ головъ: она коренилась въ самой дѣйствительности. Въ этой дѣйствительности были и силы, и средства необходимыя для выполненія тѣхъ задачъ, которыя выдвигались на очередь социалдема. Существуютъ-ли въ русской дѣйствительности силы и

средства для примѣненія тактики рекомендуемой Группой Освобожденія Труда? Въ прозекъ Группы Освобожденія Труда сказано: „Борьба противъ самодержавія обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою зачатки будущей русской рабочей партіи... Организации эти не довольствуясь частными столкновениями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти въ удобный моментъ, къ общему рѣшительному на него нападенію“. И такъ, немедленная, непрестанная борьба съ русскимъ самодержавіемъ! Неправда-ли, какъ много „путей“ и „силъ“ предлагается намъ русская дѣйствительность для веденія этой борьбы?

Намъ кажется, главный недостатокъ программы Группы Освобожденія Труда состоитъ въ томъ, что въ ней слишкомъ много вниманія обращено на внѣшнія отношенія пролетаріата, главнымъ образомъ къ правительству, и совершенно не приняты во вниманіе его внутреннія отношенія: степень развитія въ немъ организацій, сознаніе своихъ интересовъ и пр., т. е., не приняты во вниманіе „самодовольщіе интересы“ пролетаріата. Объясняется это обстоятельство происхожденіемъ программы Группы Освобожденія Труда изъ революціонныхъ традицій русской интеллигенціи.

Между тѣмъ, дѣятельность полководца и дипломата лишь тогда и въ той мѣрѣ можетъ имѣть успѣхъ, когда и въ какой мѣрѣ за нимъ стоитъ реальная сила. Такой *реальной силой* въ рабочемъ движеніи является степень сознанія рабочимъ классомъ своихъ интересовъ и степень его организованности. Но сознаніе это такъ же какъ и организованность не случайныя или произвольныя вещи. Сознаніе массою или отдѣльными

группами рабочего класса своих интересов развивается по определенным законамъ, въ зависимости отъ полноты и содержания социального опыта массъ. Жизнь постоянно ставитъ передъ сознаниемъ рабочихъ все новые и новые интересы. Совокупность общественныхъ отношений—экономическихъ, правовыхъ, политическихъ etc. — определяетъ какіе интересы могутъ быть у рабочихъ, но не определяетъ, какіе интересы уже сознаны рабочими и вошли въ ихъ жизнь. Съ помощью социального опыта, житейской практики etc., сознание рабочихъ массъ постоянно нагоняетъ реальныя общественныя отношенія, никогда не отождествляясь съ ними. Поэтому то намъ и приходится дѣлать столь рѣшительное и коренное различіе между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываемъ рабочимъ, и интересами, дѣйствительно имѣющимися у нихъ. Развиваясь въ зависимости отъ условій мѣста и времени, сознание массъ дѣлаетъ бесплодными всѣ попытки насиловать естественный ходъ развитія рабочего движенія*). На извѣстной ступени своего разви-

*) Доказательствомъ въ пользу этого тезиса служить, между прочимъ, судьба программы 1885 г. Прошло 13 лѣтъ со времени появленія ея на свѣтъ, — русское рабочее движеніе развивалось, крѣпло и шло своимъ путемъ, совершенно игнорируя ея существованіе. Такимъ образомъ, программа эта подверглась самой суровой изъ всѣхъ возможныхъ критикъ: критикѣ исторіи. Теперь, черезъ 13 лѣтъ, намъ снова предлагаютъ ее, ни юты не убавивъ. Неужели же за эти 13 лѣтъ такъ таки и не произошло никакихъ измѣненій ни въ русской жизни, ни въ самомъ рабочемъ движеніи? Или оно до сихъ поръ представляетъ собою *quantité négligeable*? Можно сказать, конечно, что „тѣмъ хуже“ для движенія, игнорирующаго эту программу; но и послѣ такого осужденія оно едва ли все таки измѣнитъ свою тактику...

тія оно ставитъ вопросъ о политической революціи. Такимъ образомъ, низверженіе самодержавія относится къ самодовольнымъ интересамъ рабочего класса какъ частное, временное—къ общему постоянному. Несомнѣнно русское рабочее движеніе чревато политической революціей. Но вопросъ не въ томъ богато ли оно при современномъ строѣ русской жизни политическими задачами, а въ томъ, на какой ступени его развитія задачи эти могутъ быть внесены въ его программу, могутъ быть реализованы, другими словами, когда для разрѣшенія ихъ созрѣетъ въ немъ матеріальная сила? Тѣмъ болѣе у насъ основаній быть терпѣливыми, что до сихъ поръ развитіе рабочего движенія въ Россіи шло крайне успѣшно.

Столь же закономѣрно развиваются и рабочія организации. Ихъ развитіе означаетъ ростъ сознанія общности интересовъ, сознанія, приводящаго къ совместной защитѣ своихъ правъ. Подобно сознанію содержания своихъ интересовъ, сознаніе ихъ общности, выражающейся въ той или иной организации, развивается закономѣрно, въ зависимости отъ всей совокупности окружающихъ условій. На западѣ боевыя политическія и экономическія организации были подготовлены мирными организациями. Кассы борьбы развились изъ обществъ взаимопомощи. Рядомъ съ обществами взаимопомощи различныя товарищества (производительныя, потребительныя), образовательныя общества и общества развлеченія (главнымъ образомъ музыкальныя) воспитали въ рабочемъ классѣ способность къ участію въ обществахъ, союзахъ, организацияхъ. Всѣ эти типы организаций процвѣтали и процвѣтаютъ среди ремесленниковъ. Когда развитіе производительныхъ отноше-

ний привело къ капиталистической эксплуатаціи наемнаго труда, рабочіе уже имѣли привычку дѣйствовать сообща. Возникновеніе новаго интереса, борьбы съ предпринимателями, привело къ его удовлетворенію тоже „сообща“. Этотъ, такъ сказать, организаціонный духъ ремесленныхъ массъ, попавшихъ въ капиталистическую эксплуатацію, составляетъ одинъ изъ главныхъ факторовъ современнаго рабочаго движенія. За мирными организаціями и союзами борьбы послѣдовали политическія организаціи, въ которыхъ опять-таки первое мѣсто принадлежитъ бывшимъ ремесленникамъ, „обученнымъ“ рабочимъ. Съ другой стороны масса необученныхъ чернорабочихъ, отцы и дѣды которыхъ эмигрировали изъ деревень на фабрики и въ копи до сихъ поръ являются на западѣ преимущественно неорганизованной, стихійной массой, неспособной къ той выдержанной защитѣ своихъ интересовъ, которую мы находимъ у обученныхъ. Постепенное, медленное, но непрерывное развитіе среди нихъ мирныхъ организацій — обществъ взаимопомощи, развлечения, потребительныхъ и образовательныхъ — общается въ будущемъ и изъ этихъ необученныхъ рабочихъ сдѣлать столь же надежныхъ солдатъ арміи пролетаріата, какими являются въ данное время потомки ремесленниковъ. Всякая организація важна, но особенно важны мирныя организаціи, захватывающія всѣ стороны жизни рабочаго, приучающія его къ исполненію общественныхъ обязанностей, каждодневно заставляющія его поступать „сообща“ съ товарищами. Боевыя же организаціи захватываютъ рабочаго крайне односторонне и крайне рѣдко — лишь въ моменты боевого возбужденія. Поэтому воспитательная роль боевыхъ организацій не

можетъ сравниться, въ этомъ отношеніи, съ воспитательною ролью мирныхъ.

А что представляетъ собою, въ отношеніи сознанія, русскій пролетаріатъ? Вотъ мнѣніе Аксельрода: „Начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, мало-культурнаго крестьянства онъ и теперь еще въ массѣ слишкомъ глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи, въ тискахъ абсолютизма — совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки подняться на высоту революціонной силы“. Далѣе онъ говоритъ о „современной низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитія народныхъ массъ въ Россіи“ („О тактикѣ“, стр. 15-16). „У рабочаго класса слишкомъ мало политическихъ знаній и опыта, съ одной стороны, и легальныхъ точекъ опоры для коллективной самодѣтельности, съ другой“ (Neue Zeit 1897-98, № 31, стр. 147). Можно ли этотъ рабочій классъ, глубоко тонущій въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, стоящій на низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитія, не имѣющій политическихъ знаній и опыта — звать на борьбу съ абсолютизмомъ? Признаемся, мы не понимаемъ логической связи между сужденіемъ Аксельрода о русскихъ рабочихъ, и той программой, которую онъ имъ предлагаетъ.

Однако перейдемъ изъ области мѣтній въ область дѣйствительности. Существовать-ли въ нашемъ рабочемъ движеніи проявленія, указывающія, что въ рабочемъ классѣ уже теперь имѣются силы, съ которыми можно было-бы начать политическую борьбу? Чтобы можно было отъ „односторонней“ экономической агитаціи перейти къ агитаціи политической, къ нападенію

на абсолютизм? Мы видимъ, что такихъ проявленій нѣтъ и думаемъ, что политическая борьба можетъ быть лишь тогда включена въ программу русской социальдемократіи, когда въ ея распоряженіи будутъ находиться *силы и средства* для этой борьбы, когда политическая борьба явится *потребностью*, „*дѣйствительно ощущаемой рабочимъ классомъ*“, *интересомъ*, „*сознаннымъ данной мѣстностью*“. Иначе ея программа относилась бы къ области фантазіи, но не дѣйствительности. Программа-же должна быть выраженіемъ того, что мы дѣлаемъ и должны дѣлать, а не того, о чемъ мы мечтаемъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній спѣшимъ оговориться. Вышесказанное можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что русскіе социальдемократы должны перестать касаться политическихъ вопросовъ въ своей пропагандѣ. Подобное толкованіе нашихъ словъ ошибочно.

Дѣло въ томъ, что мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ различать *содержаніе нашей программы* отъ *содержанія нашей агитаціи*. Пропаганда имѣетъ своей цѣлью расширеніе кругозора пропагандируемыхъ лицъ, сообщеніе имъ новыхъ свѣдѣній, способныхъ повысить уровень ихъ интересовъ, потребности. Помощью пропаганды мы развиваемъ сознание своихъ интересовъ у пропагандируемыхъ; мы приближаемъ это сознание къ реально-существующимъ общественнымъ отношеніямъ. Изъ этого слѣдуетъ, конечно, что пропаганда фантастическихъ интересовъ, не соответствующихъ общественнымъ отношеніямъ, никогда не можетъ быть успѣшна. Интеллигентъ и образованный рабочій полезны массѣ (какъ пропагандисты) лишь постольку, по сколько они помогаютъ ей своими знаніями

ми разбраться въ окружающемъ, въ существующихъ отношеніяхъ. Но и пропаганда интересовъ, базирующихся въ реальныхъ общественныхъ отношеніяхъ, не всегда успѣшна: пропаганда есть лишь одинъ изъ факторовъ, развивающихъ сознание рабочимъ своихъ интересовъ; это сознание развивается закономѣрно въ зависимости не отъ одной лишь пропаганды, а главнымъ образомъ отъ личнаго жизненнаго опыта рабочего. Сознаніе рабочихъ не тѣсто, лѣпить изъ котораго „мы“ (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. „Мы“ и „наши“ усилія могутъ лишь дополнять то, чему учитъ рабочего жизнь.

Напротивъ, въ агитаціи мы исходимъ изъ потребностей, уже существующихъ у агитируемыхъ лицъ, изъ интересовъ, уже сознанныхъ, ощущаемыхъ ими. Роль агитатора сводится не къ доказательству того, что положеніе данной личности можетъ быть улучшено;—это дѣло пропагандиста; дѣло-же агитатора — *указать пути и средства* человеку, уже знающему, что ему нужно. Агитаторъ пользуется недовольствомъ, существующимъ въ массѣ, и указываетъ ей *практическіе пути* для достиженія желанной цѣли. Агитаторъ, такъ сказать, придаетъ опредѣленную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту. Характерна въ этомъ отношеніи лѣтняя стачка 1896 г. въ Петербургѣ. Она началась 22-го мая, первыя-же прокламаціи появились 30-го. Рабочіе сами писали и распространяли листки; — рукописные листки, переписанные въ нѣсколькихъ экземплярахъ, съ большимъ успѣхомъ гуляли по рукамъ; въ другихъ случаяхъ рабочіе приносили къ агитаторамъ для печати листокъ уже написанный ими самими, или же доставляли свѣдѣнія, прося

по нимъ составить листокъ. Словомъ, вся инициатива протеста исходила изъ рабочихъ массъ, а агитаторамъ оставалось лишь дать опредѣленную форму существующему (въ другихъ случаяхъ готовящемуся) протесту. И таково всегдѣшнее положеніе агитатора.

Такимъ образомъ, задача пропагандиста—довести людей до сознанія своихъ интересовъ; задача агитатора —указать людямъ путь для удовлетворенія уже созданныхъ ими нуждъ. Мы настаиваемъ на этомъ различіи потому, что игнорированіе его ведетъ постоянно къ такому смѣшенію понятій, при которомъ невозможно мало-мальски успѣшное обсужденіе программныхъ и тактическихъ вопросовъ. Что-же касается данного частнаго случая, то очерченное различіе между пропагандой и агитаціей приведетъ насъ по вопросу о политической дѣятельности русской социалдемократіи къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Уже съ 1896 г. существующіе въ Россіи „Союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ ведутъ энергичную политическую пропаганду. Пропаганда эта, возникшая съ самымъ скромнымъ содержаніемъ политическихъ требованій, растетъ въ ширину и въ глубину. Обстоятельство это показываетъ, что въ рабочемъ классѣ уже существуетъ почва для политической пропаганды. Но до сихъ поръ въ Россіи не было ни одного случая борьбы рабочихъ за нужныя имъ политическія права. Русская социалдемократія до сихъ поръ даже не ставила вопроса о томъ, *какими средствами могутъ бороться рабочіе за свои политическія права*. Средства эти до сихъ поръ не указывались рабочимъ, да и гдѣ же эти средства, наконецъ? На Западѣ строили баррикады, устраивали манифестаціи и политическія стачки,

подавали петиціи, — которое же изъ этихъ средствъ предлагаетъ Группа Освобожденія Труда современному пролетаріату въ современной Россіи? Трудно относиться серьезно къ практическому предложенію, умаляющему о самомъ главномъ, — о матеріальной силѣ, которая способна осуществить его, и о путяхъ, которыми оно можетъ быть осуществимо. Что касается матеріальной силы, то мы знаемъ, что она „глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ“. Что касается путей, то о нихъ Аксельродъ упорно молчитъ. Этимъ онъ лишаетъ насъ возможности проникнуться глубиной его мысли. Но мы совершенно въ правѣ сдѣлать выводъ, что до сихъ поръ никто не обсуждалъ серьезно средствъ *прямой* борьбы съ абсолютизмомъ, не говоря уже объ указаніи этихъ средствъ рабочимъ.

Слѣдовательно, до сихъ поръ въ Россіи не было политической агитаціи, и мы полагаемъ, что для нея пока еще нѣтъ въ Россіи мѣста. (Мы не говоримъ, конечно, о стихійной революціи, которой никто не можетъ заранѣе „подготавливать“; мы говоримъ лишь о планомерной, организованной борьбѣ). Сколько времени пройдетъ еще до того момента, когда отъ политической пропаганды мы сможемъ перейти къ политической агитаціи? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ моментъ этотъ наступитъ черезъ годъ, быть можетъ, черезъ 10 лѣтъ. Но несомнѣнно, что въ данную минуту никто изъ практическихъ дѣятелей движенія серьезно не думаетъ о политической агитаціи и не считаетъ ее своевременной (см. случай съ манифестаціей по поводу смерти Вѣтровой. Мнѣніе Кіевскаго Союза Борьбы).

Можемъ-ли мы, при такомъ положеніи дѣлъ вносить

въ нашу программу прямую борьбу съ самодержавіемъ? Намъ кажется, что нѣтъ. У насъ есть теперь рабочее движеніе, но оно не носитъ еще политическаго характера. Первое понятіе — рабочее движеніе и по объему, и по содержанию шире второго — политическаго рабочаго движенія. При конституціонномъ образѣ правленія, когда каждый гражданинъ имѣетъ право и обязанъ участвовать въ выборѣ депутатовъ въ законодательное собраніе, — рабочее движеніе неизбежно носитъ политическій характеръ. Конечно, мы здѣсь подразумеваемъ страны со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Другое дѣло страны съ самодержавнымъ образомъ правленія или высокимъ избирательнымъ цензомъ. Тамъ рабочее движеніе на первыхъ ступеняхъ своего развитія не носитъ политическаго характера. Лишь по мѣрѣ развитія въ странѣ политической жизни, по мѣрѣ роста успѣховъ политической пропаганды и экономической борьбы въ рабочихъ массахъ, рабочее движеніе начинаетъ принимать политическій характеръ. Поэтому, чѣмъ свободнѣе страна, тѣмъ скорѣе рабочее движеніе становится въ ней политическимъ, чѣмъ деспотичнѣе страна, чѣмъ слабѣе развита въ ней политическая жизнь, тѣмъ долѣе рабочее движеніе лишено политическаго характера. Объясняется это тѣмъ, что въ политически развитыхъ странахъ рабочіе, непосредственно-участвуя въ политической жизни страны, скорѣе приходятъ къ сознанію своихъ политическихъ интересовъ и къ прямой ихъ защитѣ, тогда какъ въ странахъ, политически отсталыхъ, отсутствіе политической жизни во всѣхъ ея формахъ лишаетъ ихъ возможности непосредственно защищать свои политическія права. Конечно, въ этихъ политиче-

ски отсталыхъ странахъ политическая пропаганда можетъ начаться очень рано, и само самодержавное правительство съ его жандармскимъ режимомъ всегда является лучшимъ пропагандистомъ политическихъ идей, но въ то время, какъ въ передовыхъ, свободныхъ странахъ политическая пропаганда, благодаря условіямъ политической жизни, почти немедленно переходитъ въ политическую агитацію, въ *политическія дѣйствія*, въ деспотическихъ странахъ, политическая агитація, благодаря отсутствію какихъ бы то ни было формъ проявленія политической жизни, не можетъ такъ непосредственно слѣдовать за политической пропагандой. Когда въ нашемъ рабочемъ движеніи назрѣютъ силы для политической борьбы, онѣ не замедлятъ проявить себя и указать агитатору, что его роль должна начаться. „Напасть“ на самодержавіе можно всегда, даже и не сообразуясь съ имѣющимъ на лицо силами и средствами. Но къ чему приведетъ это „нападеніе“? Много-ли труда нужно будетъ употребить самодержавію, чтобы раздавить дерзкихъ смѣльчаковъ?*) А

*) Аксельродъ, кажется, думаетъ иначе. Онъ полагаетъ, что нѣсколько тысячъ петербургскихъ рабочихъ съ кучкой энергичныхъ революціонеровъ во главѣ могли бы низвергнуть самодержавіе: „Будь у насъ теперь серьезная организація энергическихъ революціонеровъ (въ родѣ „народовольческой“ или „Земли и Воли“), приобрѣвшая популярность въ средѣ хотя бы нѣсколькихъ тысячъ петербургскихъ рабочихъ, она имѣла бы больше шансовъ на успѣхъ въ военномъ столкновеніи съ правительствомъ, чѣмъ социальная демократія въ Германіи“ (Соп. дем. кл. 4. стр. 26). Между прочимъ. То обстоятельство, что въ рабочемъ движеніи мы не встрѣчаемъ такихъ „серьезныхъ организацій“, годныхъ для военнаго нападенія, показываетъ, что рабочее движеніе есть движеніе массовое, не укладывающееся въ рамки комплота или заговора.

всякая неудавшаяся попытка политической борьбы задерживает накопление революционных силъ. Мы не имѣемъ права строить планы своей агитаціи на „догадкахъ“ о томъ, что такія силы существуютъ. Назрѣвшую въ рабочемъ классѣ потребность въ политическихъ правахъ и готовность его выступить на борьбу съ правительствомъ нельзя ни спрятать, ни просмотрѣть. Она должна въ той или иной формѣ вылиться наружу и показать, что моментъ перехода отъ политической пропаганды къ политической агитаціи наступилъ.... Подобно тому, какъ экономическая агитація началась лишь тогда, когда въ рабочей массѣ самопроизвольно (безъ непосредственнаго участія интеллигентовъ) началось стачечное движеніе, такъ и политическая агитація можетъ быть начата лишь тогда, когда сами рабочіе самопроизвольно (безъ революціонной бацилы—интеллигенціи) начнутъ борьбу съ самодержавіемъ. Поступая иначе, мы дадимъ русскому правительству крупный поводъ выхватывать изъ нашей среды лучшія силы, столь необходимы для роста и развитія рабочаго движенія. Мы должны не допускать попытокъ безпощадной политической агитаціи точно такъ-же, какъ мы избегаемъ провокаторовъ.

Такимъ образомъ, интересы самой русской революціи заставляютъ насъ пока ограничиваться политической пропагандой, избѣгая всѣми силами политической агитаціи*).

Слѣдовательно, въ программѣ русскихъ социалдемократовъ, соответствующей дѣйствительной жизни, не

*) Мы говоримъ объ организованной, а не стихійной борьбѣ, въ которой нѣтъ мѣста агитатору.

можетъ быть мѣста прямой политической борьбѣ съ самодержавіемъ. Въ ней есть мѣсто только политической пропагандѣ. Въ интересахъ будущей политической борьбы мы должны всѣми силами избѣгать ея пародіи въ настоящемъ.

Намъ могутъ возразить, что это—утопія. Отказъ отъ политической борьбы означаетъ отказъ отъ рабочаго движенія вообще. При русскомъ самодержавномъ правительствѣ невозможно никакое рабочее движеніе, невозможны никакія серьезныя улучшенія въ быту рабочихъ (Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи, стр. 11), слѣдовательно, чтобы сдѣлать возможнымъ рабочее движеніе, мы должны низвергнуть самодержавіе*).

Впрочемъ это опровергается успѣхами, достигнутыми русскимъ рабочимъ движеніемъ.

Стачечное движеніе дало намъ улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, фабричное законодательство, боевыя организаціи въ рабочемъ классѣ. Мирныя, легальныя и нелегальныя, организаціи растутъ съ каждымъ годомъ. Наконецъ, всѣ усилія самодержавнаго правительства не могутъ уничтожить политической пропаганды.

Болѣе того: всѣ эти формы дѣятельности пролетаріата, не представляя изъ себя непосредственной борьбы съ самодержавіемъ, косвенно являются ею и несутъ, слѣдовательно, политическій характеръ, in zweiter Linie, какъ говорятъ нѣмцы. Въ самомъ дѣлѣ: простой ростъ числа мирныхъ организацій создаетъ для рабочихъ постепенно обычное право участвовать въ нихъ.

*) Аргументъ, выставляемый послѣдовательно всѣми фракціями русской революціонной интеллигенціи, борющейся за улучшеніе положенія того или другого слоя „трудящагося класса“.

Частое повтореніе стачек лишаетъ силы существующее въ русскомъ сводѣ законовъ запрещеніе ихъ. Политическая пропаганда, выражающаяся главнымъ образомъ въ распространеніи нелегальныхъ изданій, дѣлаетъ безсильнымъ существующія запрещенія свободы печати. Наконецъ, всѣ виды самодѣятельности рабочихъ готовятъ постепенно свободу собраній и слова. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны массовыя собранія рабочихъ въ подгороднихъ рощахъ и лѣсахъ. Такимъ образомъ, практика современнаго рабочаго движенія выводитъ изъ употребленія многія ограниченія свободы, существующія въ русскомъ сводѣ законовъ. Для иллюстраціи нашихъ словъ приведемъ 2-3 примѣра изъ исторіи рабочаго движенія въ Петербургѣ. Примѣры эти наглядно показываютъ, какъ измѣняется поведеніе правительственныхъ органовъ подъ вліяніемъ рабочаго движенія. Во время стачки 1896 г. министръ финансовъ Витте запретилъ фабрикантамъ уступать требованіямъ рабочихъ, обѣщая покрыть ихъ убытки изъ казенныхъ средствъ. Во время январской стачки 1897 г., грозившей принять размѣры лѣтней, министръ финансовъ не запрещалъ уже болѣе фабрикантамъ дѣлать уступки стачечникамъ. Во время лѣтней стачки, именно 7-го іюня, околдочные въ сопрожденіи городскихъ и дворниковъ врываются въ квартиры рабочихъ и стаскивали съ постелей рабочихъ и работницъ, чтобы вести ихъ на фабрику „рабстать“. Рабочіе прятались, куда могли (на чердаки, въ погреба), запирались въ своихъ квартирахъ и не пускали полицію. А тотчасъ-же послѣ стачки петербургскій градоначальникъ издалъ новыя правила полицейской службы, въ которыхъ значится: „помощь полиціи про-

является только тогда, когда въ ней нуждаются, въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ, а иначе, она будетъ незаконнымъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла.... Въ этихъ случаяхъ полицейскій чинъ нарушилъ бы святость и неприкосновенность домашнего очага, могъ быть безнаказанно выгнанъ изъ дома“.

Конечно, всѣ эти уступки правительства не представляютъ еще собою конституціи. Уступки эти носятъ чисто мѣстный характеръ, распространяются лишь на наиболее энергично-защитающихъ свои интересы рабочихъ. Съ другой стороны, уступки эти—временныя, потому что какъ только ослабѣетъ сила сопротивленія рабочихъ, онѣ будутъ взяты назадъ. Законъ долженъ распространить эти уступки на весь рабочій классъ и закрѣпить ихъ за рабочими. Мы не преувеличиваемъ значенія этихъ уступокъ, но и не умалюемъ его. *Онѣ подготовляютъ почву для измѣненія всего государственнаго строя Россіи.*

Такимъ образомъ, въ то время какъ Группа Освоб. Труда со всею существующей у ней энергіей стремится къ прямой борьбѣ съ правительствомъ, — наши русскіе товарищи, „индифферентно“ отнесшіеся къ политикѣ, давно уже ведутъ косвенную борьбу съ самодержавіемъ. Въ этой борьбѣ нѣтъ громкихъ побѣдъ, нѣтъ шумныхъ сраженій; это работа крота, подрывающагося подъ самыя основы существующаго политическаго строя. На чьей-же сторонѣ должны быть справедливыя симпатіи: на сторонѣ ли полководца безъ арміи, незнающаго путей, ведущихъ къ желанной цѣли и безъ устали размахивающаго въ теченіи полутора десятка лѣтъ *бумажнымъ мечемъ*, или на сторонѣ незамѣтныхъ тружениковъ, безъ шума и блеска дѣлаю-

щихъ изъ дня въ день нужное дѣло, которое подсказываетъ имъ жизнь?

Резюмируемъ. Послѣ пораженія Народной Воли для русской революціонной интеллигенціи наступилъ кризисъ. Былъ поставленъ вопросъ: „откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ? Какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на побѣду?“ Отвѣтомъ на эти вопросы и явилась программа Группы Освобожденія Труда 1885 года. Она обратила вниманіе русской демократической интеллигенціи на рабочій классъ. Въ этомъ великая заслуга Группы Освобожденія Труда. Конечно, программа эта, писанная для интеллигентовъ, стремящихся заняться рабочимъ вопросомъ, не годна была для самихъ рабочихъ, защищающихъ свои интересы. Поэтому она не привилась въ Россіи. Возникшее въ концѣ 80-хъ годовъ организованное движеніе среди рабочихъ шло помимо этой программы, игнорируя ея существованіе. Вотъ причины этого игнорирования: 1) программа Группы Освобожденія Труда не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ту ступень сознанія своихъ интересовъ, на которой стоятъ русскіе рабочіе. 2) Игнорируя внутрення дѣла пролетаріата, она концентрируетъ все свое вниманіе на его внѣшнихъ отношеніяхъ къ правительству. Принципы, которыми руководствуется современное русское рабочее движеніе, изложены не въ статьяхъ Группы Освобожденія Труда, а въ брошюрѣ объ „Агитаціи“*). Принципы эти прямо противоположны

*) Стоя на почвѣ этихъ принциповъ, мы можемъ формулировать ближайшія задачи русскаго рабочаго движенія слѣдующимъ образомъ:

1) Экономическая агитація. 2) Организациа рабочихъ во все-

вышеуказаннымъ принципамъ Гр. Освобожденія Труда. Особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о русской революціи, о „низверженіи самодержавія“. Гр. Освобожденія Труда требуетъ прямой борьбы съ правительствомъ, не взирая, гдѣ матеріальная сила для этой борьбы, не указавъ, *иди пути**) для нея. Русскіе-же товарищи, не вступая въ прямую борьбу съ правительствомъ, ведутъ ее косвенно, — потому что всякое проявленіе общественной самодѣятельности рабочаго класса въ самодержавномъ государствѣ является шагомъ впередъ по пути къ правовому порядку. Все эти соображенія заставляютъ насъ высказаться рѣшительнымъ образомъ противъ признанія программы Группы Освобожденія Труда 1885 года — программой русскаго рабочаго движенія. Программа эта и теперь, въ 1898 году, столь же мало соответствуетъ русской дѣйствительности и задачамъ русскаго движенія, какъ и въ 1885, и въ 1896 г. г.

Въ заключеніи нѣсколько словъ по адресу тѣхъ враговъ русскаго рабочаго движенія, которые сочтутъ

возможныя общества и союзы. 3) Политическая пропаганда. Литература-же, издаваемая заграницей, должна прекратить свои разговоры о томъ „прекрасномъ будущемъ“, когда мы будемъ „свергать самодержавіе“, и помочь русскимъ товарищамъ въ этихъ ближайшихъ и насущнѣйшихъ нуждахъ русскаго рабочаго движенія.

*) Это обстоятельство не можетъ быть объяснено конспиративными цѣлями, такъ какъ въ программѣ рѣчь идетъ не о заговорахъ, а о *массовомъ движеніи*. Массы-же не могутъ идти тайными путями. Развѣ возможна тайная стачка? Развѣ возможна тайная манифестація или тайная петиція?

появление нашей статьи за „раскол“ въ рядахъ русской социальдемократіи. Мы советуемъ этимъ господамъ обратить вниманіе на то, какъ часто мы цитировали Аксельрода въ пользу нашихъ взглядовъ. Конечно, въ практическихъ выводахъ изъ принциповъ, и для него, и для насъ являющихся „аксіомой“, между нами существуетъ большая разница; но мы — члены одной партіи и безпрекословно подчинимся постановленію *большинства* членовъ этой партіи. Каковы бы ни были наши разногласія, они исчезнутъ въ тотъ день, когда появится программа русской социальдемократіи. Мы — не секта, а партія, и отдѣльные разногласія не могутъ помѣшать намъ идти обѣ руку въ общемъ дѣлѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ИЗДАНІЙ
ГРУППЫ „ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА“.

Пользѣ вліяніемъ всепоглощающей практической дѣятельности въ сферѣ пропаганды и агитаціи среди рабочихъ и сильнаго запроса на популярныя изданія для рабочей массы, въ связи съ попытками отстанавлія такъ называемаго „экономическаго“ материализма въ легальной печати, интересъ къ литературѣ, посвященной научно-публицистической обработкѣ на русскомъ языкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ социальдемократіи, до крайности ослабѣлъ въ послѣдніе годы среди активныхъ элементовъ нашего движенія. Явленіе это имѣетъ достаточное оправданіе въ тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя мы только что намекнули. Но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могло не отразиться вреднымъ образомъ на идейномъ развитіи нашего движенія. Въ Россіи, менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Западѣ, равнодушіе къ своимъ теоретическимъ интересамъ можетъ безнаказанно проходить для социальдемократіи. Исключительность положенія русской социальдемократіи и чрезвычайная сложность задачъ, навязываемыхъ ей этимъ положеніемъ, требуетъ отъ нея неустанной самокритики и зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата.

Она приобрѣла господствующее положеніе на аренѣ революціоннаго движенія въ Россіи.

Но въ то же время на периферіи и даже внутри ея образовалось теченіе, прямо противоположное духу ученій социальдемократіи теченіе, представляющее собою серьезную опасность для ея дальнѣйшаго развитія. Теоретически наиболѣе сознательные

изъ активныхъ представителей и основателей ея въ Россіи, считаютъ „себя обязанными“ „предостеречь всѣхъ товарищей отъ грозящаго совращенія русской социалъдемократіи съ намѣченного уже ею пути, именно: образованія самостоятельной политической рабочей партіи, неотдѣлимой отъ классовой-борьбы пролетаріата и ставшей своей ближайшей задачей завоеваніе политической свободы“. Не полагаясь на „естественный ходъ вещей“, какъ его понимаютъ вульгарные противники и увы! не менѣ вульгарные сторонники марксизма, товарищи, написавшіе вышеприведенныя строки, заявляютъ, что „русскіе социалъдемократы должны объявить рѣшительную войну всему кругу идей“, на который опирается такъ называемое „чисто экономическое теченіе“ въ нашемъ движеніи.

Члены группы „Освобожденіе Труда“ считаютъ себя обязанными пойти настрѣчу этому призыву компетентныхъ товарищей къ рѣшительной войнѣ противъ циркулирующихъ у насъ подъ нашимъ собственнымъ флагомъ идей и понятій, принципиально враждебныхъ социалъдемократіи.

Первоначальнымъ источникомъ этихъ идей и понятій послужило слишкомъ буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкованіе ученій научнаго социализма о классовой борьбѣ и о роли экономическихъ отношеній, какъ историческаго двигателя. На почвѣ такого пониманія этихъ ученій расплодились и выросли тѣ искаженія и извращенія марксизма, которыя, въ своей совокупности, придаютъ ему безобразно отталкивающій видъ, какъ двѣ капли воды, похожій на карикатуру, рисуемую съ него народниками. Весьма характерно отношеніе представителей экономическаго направленія къ революціонному движенію 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Они относятся къ нему гораздо болѣе отрицательно, чѣмъ кто-нибудь изъ практическихъ и теоретическихъ основателей русской социалъдемократіи. Но отрицаніе ихъ направлено больше всего какъ разъ противъ революціонной части программы прежнихъ революціонныхъ фракцій, противъ тѣхъ ихъ практическихъ задачъ и стремленій, которыя образуютъ идейную связь между ними и нашимъ движеніемъ, и благодаря которымъ она является историческимъ преемникомъ этихъ фракцій. За то тѣ ихъ воззрѣнія, которыя отличаются болѣе или менѣ реакціоннымъ характеромъ, воскресли къ новой жизни подъ социалъдемократической этикеткой, въ умахъ сторонниковъ „чисто рабочаго движенія“.

Въ результатѣ всего этого получается то, что внутри русской социалъдемократіи, подъ ея знаменемъ, растетъ и распространяется „кругъ идей“, не совместимыхъ съ рѣшеніемъ вопроса о средствахъ или выработкѣ тактики, соотвѣствующей тѣмъ ближайшимъ революціоннымъ задачамъ, которыми главнымъ образомъ обусловливается ея право на существованіе на современной ступени развитія Россіи. Точка зрѣнія группы или группъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не допускаетъ, не только выработки вполне социалъдемократической тактики, но и даже теоретической, *принципиальной постановки вопроса* о политической роли и задачахъ нашего движенія.

До тѣхъ поръ, однако, пока теченіе это въ идейномъ отношеніи питалось теоретическими недоразумѣніями, выросшими на почвѣ упрощеннаго пониманія марксизма, оно не представляло собою серьезной опасности и его дозвоительно было разсматривать какъ эфемерное болѣзненное явленіе дѣтскаго періода русской социалъдемократіи, которое само собою исчезнетъ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ ея. Но представители узкаго и грубаго экономизма въ нашемъ движеніи ищутъ себѣ теоретической поддержки на Западѣ, въ воззрѣніяхъ тѣхъ „критиковъ“ марксизма, знаменосцевъ и глашатаевъ которыхъ выступилъ Бернштейнъ, и которые, подъ вѣломъ „пересмотра научныхъ основъ социализма, программы и тактики рабочаго движенія“, стремятся разрушить эти основы и превратить социалъдемократію изъ революціонной классовой организаци пролетаріата въ партію полубуржуазную, либерально-демократическую, съ блѣдно-розовымъ социалистическимъ оттѣнкомъ.

Первоначальныя воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейнцевъ. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципиальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи самостоятельнаго политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивными педагогическими соображеніями, а принципиальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является нечѣмъ инымъ, какъ злой-вредной утопіей, „продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ

результатов на нашу почву". Программа, рекомендуемая намъ русскими бернштейнцами, сводится вотъ къ чему: „участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности". Другими словами: поскольку социалдемократы преслѣдуютъ или хотя бы преслѣдовать общественныя задачи, непосредственно выходящія за сферу частныхъ столкновений отдельныхъ группъ рабочихъ съ ихъ прямыми эксплуататорами, постольку они должны слиться съ той, политически безформенной и безцѣльной массой, которая называется либеральнымъ и полулиберальнымъ „обществомъ" и которая лишена не только революціоннаго, но и сколько нибудь серьезнаго либерально-оппозиціоннаго духа. Русская социалдемократія должна, такимъ образомъ, отказаться отъ всякихъ революціонныхъ мыслей и дѣйствій и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно: превратиться въ партію мирныхъ культуртрегеровъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ „либеральнаго общества". Но народничество можетъ указать на славныя традиции своего революціоннаго прошлаго, оно не даромъ появилось на исторической сценѣ, какъ противникъ скромнаго, умѣреннаго, трезваго, словомъ обывательскаго либерализма. Русская же социалдемократія, всего только безъ года недѣлю выступившая какъ практически активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ, и надъ своимъ будущимъ, если бы она по совету своихъ мнимыхъ друзей отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ революціонными методами. Ради жалкой роли, которую предлагаютъ ей эти „друзья", не стоило ей являться на свѣтъ божій, а усилія, потраченныя на то, чтобы доставить ей преобладаніе надъ остатками старыхъ революціонныхъ фракцій, не только лишались бы всякаго реальнаго смысла, но и заслужили бы еще названія преслѣденій въ историческомъ смыслѣ.]

Но антиреволюціонная социалдемократія также немыслима, какъ мокрый огонь или сухая вода. Поэтому „кругъ идей", въ которыхъ наши товарищи въ Россіи видятъ опасность „созрашенія русской социалдемократіи съ намѣченнаго ею пути", направляетъ противъ самого ея существованія; пріобрѣтеніе ими господства среди русскихъ социалдемократовъ означало бы смерть нашего движенія. И потому-то мы находимъ вполнѣ основательными опасенія этихъ товарищей и считаемъ себя обязанными, рука объ

руку съ ними, выступить противъ возрѣній, пропагандируемыхъ русскими бернштейнцами. Борьба съ ними, это—борьба за существованіе социалдемократіи въ современной Россіи.

Изъ вышесказаннаго само собою ясно, какія задачи и цѣли ставить себѣ группа „Освобожденіе Труда", возобновляя свою литературную дѣятельность.

Когда мы въ началѣ 80-хъ годовъ подняли знамя социалдемократіи въ русской ограниченной печати, задачи наши заранее опредѣлились тѣмъ обстоятельствомъ, что социалдемократическаго движенія въ Россіи въ то время еще не было, что для возникновенія его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь, и что главнымъ идейнымъ препятствіемъ или камнемъ преткновенія для этого являлись иллюзіи радикальной интеллигенціи на счетъ направленія и перспективы нашего экономическаго развитія и отрицательнаго отношенія той-же интеллигенціи къ социально-экономическому и революціонному значенію нарождающагося русскаго пролетаріата. Отсюда — видная, если угодно, первостепенная роль полемики съ народниками въсѣхъ отбѣлковъ въ публицистическихъ изданіяхъ группы. Недостаточно было излагать только и популяризировать основныя положенія социалдемократіи. Недостаточно было также выяснять и доказывать примѣнимость ихъ на русской почвѣ, путемъ анализа хода экономической жизни Россіи. Необходимо было сверхъ того вести чуть не ежедневную борьбу съ господствовавшими у насъ въ 80-хъ годахъ демократическими фракціями за право гражданства рабочаго движенія и социалдемократіи въ русской дѣятельности. Теперь же, послѣ того, какъ борьба эта закончилась побѣдой социалдемократическаго знамени, когда рабочее и социалдемократическое движеніе стало реальнымъ факторомъ русской жизни, существованіе котораго нѣкѣмъ изъ здравомыслящихъ людей не отрицается, полемика съ народниками потеряла уже свое прежнее революціонное значеніе и не можетъ уже занимать такое видное мѣсто въ социалдемократической печати, какъ въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ основанія группы „Освобожденіе Труда".

Въ настоящее время для социалдемократической прессы на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ интересахъ и задачахъ, вообще о дальнѣйшемъ развитіи движенія социалдемократическаго, которое уже существуетъ, но существованію котораго грозитъ опасность изнутри, со стороны отдельныхъ лицъ и группъ,

формально или по названію примыкающихъ къ нему. Съ этой точки зрѣнія, одной изъ важѣйшихъ задачъ нашей литературы является безпощадная критика бернштейновскихъ и другихъ антиреволюціонныхъ тенденцій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ лагерѣ самихъ социалдемократовъ. Съ той же точки зрѣнія, мы полагаемъ, что въ настоящій моментъ социалдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію съ революціоннымъ народничествомъ. Тѣмъ же соображеніемъ мы будемъ руководствоваться и въ оцѣнкѣ всѣхъ важѣйшихъ явленій русской дѣйствительности. Въ прошломъ десятилѣтіи, а отчасти еще въ началѣ 90-хъ годовъ въ нашей печати необходимо было посвящать много мѣста доказательству того, что капитализмъ въ Россіи пустилъ глубокіе корни и что параллельно съ его развитіемъ растетъ у насъ и классъ пролетаріевъ. Теперь доказывать это было бы съ нашей стороны довольно наивнымъ анахронизмомъ, такъ какъ чуть не поголовно вся наша радикальная интеллигенція не только признаетъ, что экономическая дѣйствительность вполне обезпечиваетъ жизнеспособность русскому рабочему движенію, но и не сомнѣвается въ томъ, что она спокойнѣе всего не сомнѣвалась въ этомъ. Повторяемъ: главное теоретическое препятствіе для дальнѣйшаго развитія нашего рабочаго движенія на основахъ социалдемократіи лежитъ теперь въ нѣдрахъ ея самой, въ антисоциалдемократическихъ взглядахъ, распространенныхъ подъ ея флагомъ. Съ этимъ печальнымъ фактомъ русской социалдемократической прессы необходимо въ настоящее время специально считаться, а потому передъ нею и выдвигается совершенно новая задача, не существовавшая для группы „Освобожденіе Труда“ въ первый періодъ ея дѣятельности. Задача эта: непримиримая теоретическая борьба съ антиреволюціонными элементами въ нашей партіи и выясненіе тактическихъ задачъ, подлежащихъ ея какъ ея конечной цѣли, такъ и социально-политическимъ особенностямъ данной минуты.

Намъ хочется вѣрить, что наша дѣятельность будетъ хоть отчасти содѣйствовать рѣшенію этой новой, чрезвычайно важной задачи.

П. Аксельродъ.
Г. Плехановъ.

ПРОДАЕТСЯ:

Письмо въ редакцію „Рабочаго Дѣла“. П. Аксельрода.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Новое изданіе Манифеста Коммунистической партіи Карла Маркса и Фридриха Энгельса въ переводѣ и съ предисловіемъ Г. Плеханова.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- 1) Критика нашихъ критиковъ Г. Плеханова. Выпускъ первый: Философскія упражненія гг. Э. Бернштейна и П. Струве.
- 2) Красное знамя въ Россіи. Очеркъ исторіи рабочаго движенія. Съ предисловіемъ П. Аксельрода.
- 3) Еще разъ Соціализмъ и Политическая борьба Г. Плеханова. (Критика программъ „Рабочей Мысли“ и „Рабочаго Дѣла“).

По всѣмъ дѣламъ, касающимся изданій группы „Освобожденіе Труда“ просимъ обращаться къ П. Аксельроду: Цюрихъ, 9, Vögelsgangstrasse.

Группа „Освобожденіе Труда“ горячо благодаритъ американскихъ товарищей за 700 фр., присланные ей или въ прошломъ году и за 1500 фр., полученные отъ нихъ въ этомъ. Ей особенно дорога поддержка, оказанная ей въ настоящее смутное и печальное время, когда русская социалдемократія находится въ опасности.

Обозначения:

М.М. = Е.Д. Кускова

N.N. = С.Н. Прокопович

Г. = Гришин (Ц.М. Копельзон)

В. И-н = В.П. Иваншин